18+

Григорий Рогожин

Мазергала

Дверь, ведущая в другой мир…

Григорий Рогожин

Мазергала. Дверь, ведущая в другой мир…

«Издательские решения»

Рогожин Г.

Мазергала. Дверь, ведущая в другой мир… / Г. Рогожин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626611-7

Главные герои романа — Георгий Мельник и Альберт Пересветов, обыкновенные молодые люди, уставшие от рутинного существования и жаждущие перемен. И перемены не заставляют себя ждать. Судьба сталкивает Альберта со старым учёным Александром Забредягиным, который, в результате долгих исследований эффекта телепортации, изобрёл жидкость под названием «Градиент-Z». Друзья физически перемещаются в параллельный мир — королевство Мазергалу. Удастся ли им выжить в этом мире, а тем более, вернуться обратно?

ISBN 978-5-00-626611-7

© Рогожин Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть 1. Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 27
Глава 6 33
Глава 7 38
Часть 2. Глава 8 47
Глава 9 52
Глава 10 59
Глава 11 62
Глава 12 65
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Мазергала
Дверь, ведущая в другой мир…

Григорий Рогожин

© Григорий Рогожин, 2026

ISBN 978-5-0062-6611-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Издание 2-е, переработанное и дополненное.

Пролог

Все события и персонажи этой книги — вымышленные. Любые совпадения с реально произошедшими событиями — не более чем случайность.

Мудрый не знает волнений,
человечный не знает забот,
смелый не знает страха.
Конфуций

Началась нижеследующая история с обыкновенной человеческой зимней скуки. Бывает такое состояние души, когда вроде бы и устал уже за день, намаялся, а всё-таки хочется вечером соскочить с мягкого дивана и пойти, «куда глаза глядят», только бы не оставаться на одном месте без движения.

Так вот, в пятницу, вечером, 17 января 200… года, чувствуя, что стены квартиры начинают постепенно смыкаться над головой, и вот-вот навалятся и задушат своей неповоротливой тишиной, Георгий Мельник оделся потеплее и вышел из подъезда своего дома совершенно без всякой цели. Ему захотелось просто послоняться по городу и поглазеть по сторонам.

А надо Вам сказать, дорогой читатель, что маленький провинциальный городок N, (в котором родился и проживал вот уже двадцать девять лет вышеупомянутый гражданин), не располагал какими-либо особыми достопримечательностями, кроме, разве, свежего воздуха. Памятников на его улицах было всего три, да и те — Ленину. Кроме них имелась в наличии тонкая, как игла, телевышка, а также серое здание, над дверью которого мрачно чернела гордая вывеска — «Городская администрация». Ещё в городке N существовали тридцать банальных «хрущёвских» пятиэтажек, о которых вообще грех рассказывать.

Единственным еженедельным развлечением горожан, которое начиналось в субботу утром и заканчивалось в час пополудни этого же дня, являлось массовое «паломничество» на центральный городской рынок или, вернее сказать — «базар», который и служил местом общения и отдыха большинству N-цев.

По субботам городок «оживал», наполняясь шумом, смехом, криками, людьми с сумками и коробками, а также компаниями молодёжи, направляющейся в пригородный лес…

Остальные шесть дней недели просто-напросто утекали в небытие…

Именно в один из таких будничных вечеров, Георгий, побродив немного по улицам города, решил: «Зайду-ка я к своему другу, Альберту Пересветову, займу немного денег, да загляну в ближайший кабачок. Может встречу там знакомых, посидим, поговорим… Только до восьми вечера надо обязательно вернуться домой, иначе жена «запилит». И он, отбросив последние сомнения, ускорил шаг и заспешил к Альберту.

***

Жена и дочь-школьница называли Георгия не иначе, как «Мельник-бездельник». Правда, время от времени, он зарабатывал себе «на хлеб» тем, что выполнял недорогой косметический ремонт квартир местных жителей. Георгий только по документам числился частным предпринимателем, на самом же деле он оставался, по существу, «вечным студентом». Такая жизнь его устраивала, но лишь до той поры, пока в кармане имелась небольшая сумма денег на мелкие расходы. Когда же эта сумма заканчивалась, он, под давлением жены, находил нового заказчика и вновь начинал работать.

Друзья говорили ему: «Жора, если бы ты не был таким лодырем, то уже организовал бы своё собственное дело и прилично жил, с твоими-то мозгами!»

Георгий прямо отвечал им, что от постоянной ежедневной работы его тошнит. «Принимайте меня таким, какой я есть! — говорил он. — А я тощий, высокий и …ленивый».

В отличие от Георгия, друг его, Альберт, имел постоянное место работы, женат не был, а потому распоряжался своим заработком совершенно свободно и тратил деньги по собственному усмотрению.

Альберт жил в одной квартире с родителями, а работал фельдшером на местной станции скорой медицинской помощи. Георгий считал, что такая работа не лишена некоторой романтики и потому даже немного завидовал своему другу.

Однажды Георгий сказал Альберту: «Альберт! Сутки ты работаешь, а трое — отдыхаешь! Это же классная работа! Целых двадцать выходных в одном месяце!»

Тот согласился, но добавил: «Бывает, такой несчастный случай произойдёт во время дежурства, что недели две после этого в себя прийти не можешь. Так что, не особенно-то завидуй!»

Альберт обладал веселым нравом, никто и никогда не видел его подавленным или просто грустным, к тому же он являлся замечательным собеседником, с которым можно было, что называется, «отвести душу».

Часть 1. Глава 1

После трёх длинных звонков Альберт, наконец, открыл Георгию дверь. Физиономия у Альберта была помятой и заспанной.

— Здравствуй, Альберт.

— А-а, Жорик, это ты… Здравствуй. Заходи.

— Ты что, дежурил вчера?

— Да. Ночка выдалась на редкость беспокойная.

— Извини, тогда я, пожалуй, пойду. Отсыпайся.

— Нет-нет! Проходи! Мне как раз посоветоваться нужно с тобой, Жора. Я сам тебе позвонить собирался.

Георгий вошел. Альберт был дома один. Его родители уехали на две недели к родственникам, в Оренбург. Со дня их отъезда прошло всего три дня, а в квартире за это время уже успел поселиться «господин беспорядок».

— Сразу чувствуется отсутствие женской руки, — сказал Георгий с улыбкой, — Когда же ты женишься?!

— Пока подожду, Жорик. Насмотрелся я на вас, женатых. Погуляю ещё годика три свободным человеком, а потом и женюсь. Мне ведь всего двадцать семь лет! Какие мои годы! — он хлопнул Георгия по плечу и усмехнулся, — Не волнуйся, погуляешь ты на моей свадьбе!

— Ну-ну… — пробормотал Георгий и продолжил:

— Я к тебе, Альберт, собственно, с просьбой… Одолжи мне рублей триста. Через два дня отдам. Совсем я на «мели». А ещё лучше… Давай-ка вместе сходим в кафе и «убьём вечерок»! А? Ты как?

— С удовольствием составил бы тебе компанию, — вздохнул Альберт, — но хочу обратиться к тебе с встречным предложением. Мне нужен твой совет, Жора. Ночью, во время дежурства, со мной произошёл странный случай. Я долго колебался, рассказать кому-нибудь о нём или нет, и, в конце концов, решил поделиться с тобою.

Георгий удивлённо посмотрел на Альберта. Обычно Альберт не тратил много времени, принимая какое-либо решение, и это было связано с особенностями его профессии. Если бы он долго раздумывал, оказывая первую помощь больному, то человек в итоге мог и умереть.

— Я никуда не спешу. Рассказывай свою историю.

Георгия крайне заинтересовала абсолютная серьёзность друга. Альберт — известный шутник и балагур, в данный момент выглядел озабоченным и усталым.

— Сразу хочу тебя предупредить, Жора. Всё, что я расскажу тебе сейчас, должно остаться между нами. Пойдем-ка на кухню, присядем.

— О чём разговор, Альберт! Ты же знаешь меня лет десять! Я никому ничего не скажу!

Друзья прошли в маленькую кухню и уселись за стоящий перед окном стол.

— Ну, что ж… — кивнул Альберт, — Начну с того, что прошедшее дежурство было для меня относительно спокойным… до двух часов ночи. Ни одной аварии, ни одной смерти. А потом вдруг этот вызов. Позвонил мужчина и сказал, что очень плохо себя чувствует. Я был в это время на станции «скорой». Смотрел телевизор. Диспетчер из своей каморки кричит: «Улица Ленинградская, семьдесят два! Альберт, поедешь ты!» Это всего в пяти минутах езды от станции. Подъезжаем. Обыкновенный частный дом. Вернее, домик. Маленькое крылечко. Входная дверь приоткрыта. Ну, это меня не удивило. Люди, после звонка к нам, бывает, заранее открывают двери. Но вот свет… Свет, проникавший сквозь щели дверного проёма, показался мне подозрительным. Даже не знаю, как его описать. Вроде как от лампы «дневного света», только розовый, ядовито-розовый. Я толкнул дверь, и секунды две стоял, ослеплённый, до того сильным было это излучение. Я сначала прикрыл глаза рукой, а потом попробовал

оглядеться… В середине комнаты стоял обеденный стол, а рядом со столом, лицом ко мне, сидел человек в инвалидном кресле. Он сказал: «Проходите, молодой человек. Возьмите вот это и наденьте». И протянул мне солнцезащитные очки. Я надел эти очки и огляделся. Комната, как комната. Ничего особенного. В углу — кровать, на стене — ковёр, справа стоял шкаф с зеркалом на двери. Больше всего меня поразил стол или вернее то, что находилось на нём. А стояла на столе вот эта вещь, — Альберт встал, открыл дверцу настенного шкафа, достал оттуда продолговатый свёрток и поставил его на кухонный стол.

— Только, Жорик, со стула не упади. Крепче держись. Это всего лишь пластиковая бутылка.

С этими словами Альберт отогнул краешек обёрточной бумаги и Георгий, охнув, невольно зажмурился. Тот самый свет, о котором только что рассказывал Альберт, заполнил всё пространство кухни, ослепив Георгия. Альберт тотчас же закрыл отверстие.

— Что это? — спросил Георгий после того, как к нему вернулась способность видеть.

— Слушай дальше, — ухмыльнулся Альберт, не ответив, — Мужчине, сидевшему в кресле, было на вид лет шестьдесят-шестьдесят пять. Мне он показался человеком, которого жизнь основательно «потрепала». «Присаживайтесь, молодой человек, я хочу немного поговорить с вами, — сказал он тогда, — Хорошо, что приехала не женщина, с мужчиной всегда легче договориться». Я уселся на стул. Он стоял рядом с инвалидным креслом. «Меня зовут — Александр Григорьевич Забредягин. Не правда ли, смешная фамилия? А вас как?» «Меня — Альберт». Он протянул мне руку. Я пожал его ладонь, и она оказалась на ощупь твёрдой, как камень. Голос у него был жёсткий басовитый. Знаешь, Жорик, от этого голоса веяло властью. «Итак, молодой человек, я вижу, что вы удивлены всем этим. Не волнуйтесь, я вас надолго не задержу. Видите ли, мне необходима ваша помощь. Причём экстренная, но не медицинская. Вот эти документы, — он хлопнул ладонью по небольшой папке, которая лежала на столе, рядом с фантастической бутылкой, — не должны стать достоянием общественности. В данный момент эти материалы способны принести человечеству больше вреда, чем пользы. Вы сохраните их после того, как я исчезну, а также сохраните эту бутылку. Это в ваших же интересах, поверьте мне. И ещё, — он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул мне. Я взял его. — После моего ухода прочтите это». Наверное, в этот момент у меня был чрезвычайно глупый вид… Потом он взял стакан, стоявший рядом с бутылкой, налил в него немного таинственной жидкости и выпил её. Через секунду этот человек исчез, будто бы его и не было никогда. Исчезло и инвалидное кресло, в котором он сидел. Я, наверное, целую минуту не мог опомниться и лишь хлопал глазами. А что ещё было делать? Всё произошло крайне быстро и казалось настолько нереальным, что я ущипнул себя за руку. «Неужели всё это на самом деле происходит со мной?! — подумал я тогда и заметил, что всё ещё держу в руке листок, который дал мне этот Забредягин. Бутылка по-прежнему освещала комнату. Я посмотрел вверх, на потолок, и увидел, что лампочка выключена. Этой жидкости в бутылке хватило бы на то, чтобы осветить спортивный зал в какой-нибудь школе! Да ты и сам видел! — возбуждённо взмахнул руками Альберт.

— А что было в той записке, которую он тебе дал? — спросил Георгий.

— А она сейчас у меня. Лучше сам прочти. Сейчас я её принесу, — сказал Альберт, встал и вышел из комнаты.

«Уж не разыгрывает ли он меня? — серьёзно задумался Георгий, — Альберт — большой шутник и прекрасный рассказчик, и подобную „аферу“ он вполне мог придумать. Имея доступ ко всяческим медикаментам, мог ли он смешать некоторые из них и получить этот розовый светящийся состав? — задал себе вопрос Георгий и сам же на него ответил, — Да. Мог. Ради того, чтобы „похихикать“ надо мною! В таком случае, надо быть настороже».

Альберт вернулся на кухню и протянул Георгию обычный тетрадный лист, сложенный вчетверо и немного помятый.

Георгий развернул записку и принялся за чтение.

«Я прошу Вас, очень прошу, — так, «с места в карьер», без «здравствуйте», начиналось это письмо, — отнеситесь к нижеизложенному со всей серьёзностью, которую только сможете в себе пробудить! Если Вы, в данный момент, читаете это послание, значит, я уже исчез. Это не галлюцинация. Это факт.

Я Вас очень прошу, возьмите со стола мою папку и спрячьте её вместе с бутылкой. В бутылке находится состав, всех последствий действия которого я не могу предугадать. Если Вы сейчас вызовите милицию, то Вам придётся долго им объяснять, что произошло, да и вряд ли они Вам поверят… сначала. А потом… Нетрудно догадаться, что данные материалы попадут в руки спецслужб, и, конечно же, Вас, как единственного свидетеля этого происшествия, в покое не оставят. Они попытаются выведать у вас всё о нашем «долговременном» знакомстве, которого на самом деле и не было. Подумайте об этом. Не ищите себе лишних проблем.

Мой Вам совет: сделайте так, как я Вам сказал. Спрячьте мои документы и жидкость, сообщите после этого вашему диспетчеру, что Вы приехали по указанному адресу, увидели приоткрытую дверь, вошли, но в доме никого не было. Диспетчер, конечно же, сообщит в ОВД, ОВД зафиксирует моё внезапное исчезновение, но о его истинной причине будете знать только Вы, чем избавите общество от лишних проблем и, возможно, смертей.

Вас вызовут, может быть пару раз в «органы», учитывая моё прошлое, а потом «дело» закроют.

Вы спросите меня, почему я не сжёг эти документы? А Вы бы уничтожили то, над чем работали более тридцати лет? Сомневаюсь… Да, воспользуйтесь папкой и бутылкой по своему усмотрению, но советую Вам никому их не показывать. Я считаю, что человечество еще не готово к практическому применению моего открытия. Прощайте. Искренне Ваш — Александр Григорьевич Забредягин.

P. S. Заверните бутылку поплотнее. Рулон обёрточной бумаги находится в ящике стола».

— Ни фига себе! — воскликнул Георгий, возвращая записку Альберту.

— Ну, как тебе? — усмехнулся Альберт, — А каково мне?

— Так всё-таки ты спрятал всё это?!

— Да. Всё здесь, в квартире. В папке оказался дневник этого человека. Крайне занимательная вещь! Знаешь, Жора, после того, как я прочёл это письмо, признаться, недолго раздумывал. Завернул бутылку, засунул её себе под свитер, а папку кое-как запихал в чемоданчик с медикаментами. Вышел из дома, подхожу к машине и говорю водителю: «Странно, осмотрел весь дом, никого нет, а дверь открыта была». Потом связался по рации с диспетчером, рассказал ему, что к чему, приняли ещё один вызов, как раз в том районе, где я живу. Но оказалось, что вызов этот — ложный. Тогда я говорю водителю: «Давай-ка, около моего дома остановимся, я в свою квартиру забегу, посмотрю, всё ли там в порядке, сам знаешь, сейчас вор на воре сидит и вором погоняет». Подъехали к подъезду, я поднялся, бутылку в квартире оставил, а папка со мной до конца смены была, не мог же я с чемоданчиком к себе подняться, бог знает, что водитель подумает.

— Хитро, — заметил Георгий.

— Приехали на станцию, — продолжал Альберт, — там я спрятал папку в свой шкафчик. По-моему этого никто не заметил. Через пару часов оперативники заехали. Спрашивают: «Кто из вас был на улице Ленинградской, семьдесят два»? «Я, — отвечаю. — Дверь приоткрыта была, я вошёл, в комнатах не было никого, я во дворе посмотрел, окликнул. Никого. Развернулся и к машине пошёл. Да, когда я в дом вошёл, там свет был зажжен, а когда выходил — я его выключил». «Ничего подозрительного не видел больше»? «Нет». И больше мне никто в ту ночь вопросов не задавал.

— Альберт, а очки как же?

— Какие очки? Ах, солнцезащитные-то, которые мне Забредягин дал? Так я их с собою взял. Чуть было их там не оставил.

— Молодец.

— А как же иначе? Лишние проблемы и вопросы мне ни к чему! Кстати, Жора, я хочу, чтобы ты прочёл дневник этого человека. Крайне интересная вещь. Там вся информация о том веществе, которое выпил этот Забредягин. Я же после дежурства не спал, не до сна было, и прочёл всё, что было в папке. А сейчас спать хочу ужасно. Я б тебе в «своих словах» рассказал, да сил уже нет.

— Ну, что ж, тогда я завтра зайду и прочту этот дневник.

— Жорик, а знаешь, что? — Альберт многозначительно посмотрел на друга, — Я собираюсь завтра попробовать выпить это зелье. Я же сказал: я тебе доверяю! Сейчас я хочу как следует выспаться, а ты возьмешь папку с собою, и, надеюсь, за ночь ты её прочтешь.

Георгий посмотрел на Альберта, как на сумасшедшего.

— Ты просто устал, Альберт, — сказал он, — Тебе действительно нужно выспаться. Подобные мысли до добра не доведут.

— Не спеши с выводами. Сначала прочти, — он вновь вышел из кухни, и быстро вернулся, сжимая в руке небольшую коричневую папку, которую тут же сунул в руки Георгию. — Надеюсь, ты поймёшь, насколько это важно. И постарайся, чтобы этим не заинтересовалась твоя жена. О содержании этих документов никто не должен знать. Я никогда не рассказал бы тебе о Забредягине, если бы мне не пришло в голову отправиться вслед за ним. Знаешь, он ведь, похоже, не умер. Просто исчез… В общем, жду тебя завтра, в час дня. Я должен привести себя в порядок. Всё. Я очень хочу спать. Извини.

Георгий оделся, положил папку за пазуху, пожал Альберту руку и вышел из квартиры.

Оказавшись на свежем воздухе, он закурил сигарету и, выпустив струю дыма, подумал: «Бред какой-то… Ну что ж, прочтём, прочтём, а там видно будет».

Георгия до того заинтриговала эта история, что он совсем забыл о том, что дома его, наверное, ждет скандал, так как на часах было десять минут девятого, а его жена — Мария, конечно же, начала волноваться, думая, что ее муж опять сидит за столиком какого-нибудь кафе, совершенно забыв о своей семье. Тем более что свой «мобильник» Георгий отключил во время разговора с Альбертом и включать его сейчас он не собирался…

Однако когда он вернулся домой трезвым и необычайно серьёзным, жена, сразу же смягчившись, ограничилась всего лишь одним вопросом: «Где ты был?»

Георгий ответил, что нашёл работу и, дня через два принесёт немного денег. Мария успокоилась и спросила, указывая на папку, которую её муж, раздеваясь, положил на полку в коридоре:

— А это что?

— Это? Да вот, Альберт написал повесть в жанре «фэнтези» и попросил оценить.

Зная, что Мария любит читать лишь любовные романы, Георгий попал, что называется «в точку». Жена сразу же потеряла к папке всякий интерес.

Поужинав и выслушав, зевая, её рассказы о надоевшей работе, которые, надо признать, Георгия мало интересовали, он лёг на диван, включил лампу, и взял в руки, любезно предоставленные Альбертом, загадочные документы.

Георгий развязал тесёмки старой коричневой дерматиновой папки. Внутри её находились две рукописи, аккуратно скрепленные металлическими скобами. Первая рукопись оказалась дневником с пронумерованными страницами, вторая же содержала в себе какие-то чертежи и множество формул, описывающих различные химические реакции. Увы, по химии в школьные годы у Георгия была твёрдая «тройка», так что он решил сначала прочесть дневник. Информация, содержащаяся в рукописи, действительно оказалась уникальной…

Оказывается, что в 196…году, в засекреченной лаборатории, располагавшейся в степях Казахстана, начались работы по исследованию эффекта телепортации. Говоря простым языком, перед учеными была поставлена сложнейшая задача — найти способ мгновенного перемещения человека в пространстве на любое расстояние. Забредягин был тогда всего лишь младшим научным сотрудником, и по существу имел статус лаборанта. Однако через пятнадцать лет он уже становится руководителем этой лаборатории и всего проекта. Но, увы, долгие годы напряженной работы так и не принесли каких-либо положительных результатов…

Всё это было написано в предисловии к дневнику. Сам же дневник велся уже в городе N, где, вследствие трагических обстоятельств оказался Александр Григорьевич Забредягин.

Обстоятельства же были таковы. В 199… году, в вышеупомянутой лаборатории, находившейся под землёй, на двадцатиметровой глубине, происходит взрыв небольшого атомного реактора, питавшего электроэнергией весь бункер. Тридцать три человека погибло тогда от взрыва, ещё двадцать четыре сотрудника скончались впоследствии от лучевой болезни. Александру Григорьевичу, если можно так сказать, повезло. Его при взрыве засыпало обломками бетонной перегородки, но уже через полчаса его, из-под завала, извлекли чудом оставшиеся в живых подчиненные. Им с большим трудом удалось выбраться на поверхность земли…

Забредягин получил серьёзную черепно-мозговую травму, а также перелом позвоночника. Как не старались врачи, он на всю жизнь остался инвалидом. Его ноги были окончательно парализованы. В довершении всего он потерял память. Врачи говорили тогда: «Вероятность того, что память вернётся, составляет не более десяти процентов». После продолжительного лечения, которое не привело к каким бы, то ни было, значительным улучшениям состояния Александра Григорьевича, на этого человека, что называется «махнули рукой», предоставив ему пожизненное пенсионное содержание и квартиру в Москве, которую Забредягин вскоре продал и перебрался к своему двоюродному брату, проживавшему в городе N. Как и Александр Григорьевич, брат его тоже был одинок и не отличался хорошим здоровьем, потому, узнав о трагедии, немедленно предложил Александру Григорьевичу переехать в город N. «Вдвоём жить веселее, приезжай…", — писал ему брат. У них обоих не осталось больше близких родственников.

Недолго продолжалась их совместная жизнь в городе N. Брат умер всего через четыре года после того, как Александр Григорьевич переехал к нему. Для пожилого человека, да ещё и инвалида эта потеря явилась серьёзным ударом. Теперь он остался совсем один…

Но смерть брата подействовала на Александра Григорьевича удивительным образом. Проходит всего лишь несколько дней после похорон брата и к нему возвращается память.

Из дневника: «29 марта 199…года. Радости моей нет предела! Проснувшись утром, я внезапно почувствовал, что вспомнил всё. Причём все события моей жизни проносились перед мысленным взором так отчетливо, что мне казалось, будто всё это происходит со мной в настоящий момент, как говорят сейчас, в режиме реального времени».

В дальнейшем он пишет, что готов продолжить исследования эффекта телепортации, так как наконец-то видит решение проблемы, над которой «бился» более тридцати лет.

Все опыты Забредягин решает ставить на себе»… Будь, что будет! Всё равно, моя жизнь калеки — это не жизнь, а мучение. Если я и умру, по мне вряд ли кто-нибудь здесь будет плакать»!

Достать необходимые химреактивы оказалось не так уж сложно. Химический комбинат города N, неработающий, наполовину разграбленный, почти не охранялся. Местные алкоголики по просьбе Александра Григорьевича, «притащили» оттуда все необходимые компоненты для составления «Градиента-Z», как «окрестил» своё творение Забредягин.

Он начинает усиленно работать и, наконец, как ему кажется, добивается долгожданного результата. Первые три попытки перемещения были, мягко говоря, неудачными. Приняв «Градиент-Z» в третий раз, Александр Григорьевич едва не погиб, получив тяжёлое отравление.

Несколько дней, испытывая страшные боли во всём теле, он пролежал на полу, в собственном доме. За помощью Забредягин не обращался, несмотря на то, что телефон находился под рукой. Он опасался, что отравление примут за попытку самоубийства и «упрячут» его в какой-нибудь «Дом инвалидов». Но Забредягин выжил. Он произвел корректировку расчётов, внёс некоторые изменения в последовательность химических реакций, и, собрался, было опробовать препарат в четвёртый раз, но… Бродячая собака поскреблась в этот день в дверь его дома…

«15 января 200…года. Я подумал, а почему бы и нет? Извлек из холодильника кусок свежего мяса, мелко нарезал его и положил в тарелку. После этого я обильно полил мясо „Градиентом-Z“ и поставил тарелку перед собакой… Собака, съев мясо, исчезла! Теперь дело за мной»!

Эта была последняя запись в его дневнике.

Глава 2

Георгий полистал тетрадь с чертежами и формулами, и, упрекнув себя за поверхностное знание химии, положил обе рукописи обратно в папку. Было уже четыре часа утра. «Не похоже все это на розыгрыш», — подумал Георгий и выключил лампу…

Проснулся он в семь часов утра. Он был бы рад поспать подольше, но запах яичницы, которую жарила на кухне Мария, заставил его подняться. Георгий посмотрел на папку, которая валялась на полу, рядом с диваном. «Значит, это был не сон», — подумал он и пошёл в ванную. Умывшись, Георгий позавтракал и, чмокнув в щеку, уходящую на работу жену, закрыл за нею входную дверь и вернулся в комнату. После «плотного завтрака» ему захотелось прилечь. Бессонная ночь сделала своё дело, и Георгий не заметил, как сладкая дрёма окутала его…

Проснулся он лишь в полдень, и, бросив взгляд на часы, облегчённо вздохнул: «Нет, не проспал»!

Георгию не терпелось поскорее встретиться с Альбертом, потому, не мешкая, он оделся, закрыл квартиру на ключ и вышел на улицу, захватив с собою папку.

Было морозно и солнечно. Иней на голых ветвях берез в соседнем парке искрился так, что казалось, будто бы за ночь невидимые полчища мастеров заменили все деревья в этом парке на хрустальные изваяния. «В такую погоду — да в лес! Костерок развести, шашлычок зажарить»… — вздохнул Георгий и зашагал к дому Альберта.

Тот открыл дверь сразу, после первого звонка.

— Здравствуй, Альберт! Выспался? — Георгий протянул ему руку. Альберт пожал её:

— Выспался. Ну, что, прочёл?

— Прочёл, — ответил Георгий, снимая куртку. — Забавно!

Они прошли в комнату. Альберт предложил Георгию сесть и принёс из кухни пепельницу. Друзья закурили.

— Ты что, Альберт, и, правда, хочешь выпить этот «Градиент-Z»? Или я вчера ослышался?

— Да, я твёрдо решил, Жорик. Сам посуди, в нашем городке скучища необыкновенная, хоть волком вой! Раз в месяц зооцирк с измученными животными «прикатит» — разве это развлечение?! А тут, пожалуйста, бесплатный аттракцион!

— Только как бы этот аттракцион не закончился летальным исходом, — серьёзно заметил Георгий.

— Ну, всякое может случиться, конечно. Я затем и пригласил тебя, чтобы ты меня подстраховал. Если мне вдруг станет плохо, если я отравлюсь, вместо того, чтобы переместиться куда-то — ты вызовешь «скорую». Я из бутылки отлил часть состава в свою армейскую фляжку. Она будет у меня в руках, когда я исчезну. Забредягин-то ведь исчез вместе с одеждой и креслом! Значит, если я буду держать в руках фляжку, она переместится вместе со мной, куда бы я ни попал, а, сделав второй глоток, я могу вернуться обратно и окажусь здесь, в своей квартире. Я, Жора, неплохо разбираюсь в физике и химии, а согласно расчётам Забредягина выходит, что, выпив повторно эту «гремучую» смесь, можно вернуться обратно.

— А для меня эта вторая тетрадь с расчётами, знаешь ли, «тёмный лес», — промолвил Георгий, — Меня тревожит одно обстоятельство: если имеется возможность возврата, то почему же тогда Забредягин не взял жидкость с собой?

— Да очень просто, Жора! Что ему делать-то здесь? Он же тут никому не нужен, он же калека… Ему терять нечего было, и незачем возвращаться сюда.

— Ага… А в другом месте, на нашей старушке-Земле его значит, ждут с распростёртыми объятиями? — с усмешкой возразил Георгий.

— Необразованный ты человек, однако! — Альберт, вздохнув, покачал головой, — Да не обижайся ты, — добавил он, заметив, что Георгий нахмурился. — Видишь ли, Забредягин выдвинул гипотезу, согласно которой при телепортации происходит омоложение организма, а также восстановление его утраченных функций! — Альберт победно посмотрел на Георгия.

— Вон оно как… — протянул тот и продолжил:

— А доказательства этой гипотезы где? Где они? Где гарантии того, что ты в две секунды не превратишься в труп?! Может срок годности этой жидкости каких-нибудь двадцать четыре часа?! — Георгий посмотрел на Альберта с нескрываемой злостью. «Как разумный человек может подвергать себя такой опасности?!»

— Жора, брось! — улыбнулся Альберт и, глядя в глаза собеседнику, сказал:

— Волков бояться — в лес не ходить! Осточертело мне здесь всё! Дом и работа! Работа и дом! С ума можно сойти! А хочется… Ты знаешь, Жора, куда мне хочется попасть…? В Италию! Солнечную Италию с её виноградниками, пляжами и Пизанской башней! Чем чёрт не шутит?! Может, выпив этот «Градиент-Z» я попаду в то место, о котором мечтал всю жизнь! Если это так, Жора? Так что же, сидеть здесь, в этой вечной глуши, так и не использовав шанс, который может быть больше никогда и не выпадет?!

Глаза Альберта засветились каким-то недобрым блеском. Георгий впервые видел, чтобы тот говорил с таким «запалом», с таким отчаянием. В этот момент Георгий понял, что Альберт для себя всё уже окончательно решил, и переубедить его не удастся.

— Что ж, — сказал он, — поступай, как знаешь. Я тебя подстрахую, авантюрист хренов.

Минут пять они просто сидели и молча курили. Затем Альберт сказал:

— Раз мы всё обсудили, приступим, пожалуй.

Он прошёл в коридор и стал одеваться. Надел дублёнку, тяжёлые зимние ботинки и старую меховую шапку. После этого снял с вешалки большую сумку, которую можно было перекинуть через плечо, что он и сделал.

— Кто знает, что меня ждёт. Может, в Антарктиду попаду, не дай бог! — он печально улыбнулся. Было видно, что, несмотря на напускную браваду, он всё-таки волновался. Ещё бы!

— Да, Жорик, в случае чего — бутылка с остатками жидкости на кухне, в настенном шкафу. И ещё. Если я не вернусь через час, ты иди домой и забудь об этой истории. Исчез я и исчез! — он наплевательски махнул рукой. — Замок «английский» и дверь ты захлопнешь без ключа, просто потяни её на себя как следует. Но всё-таки я надеюсь вернуться… Ну, счастливо оставаться! Не поминай лихом, Жора! — с этими словами Альберт откупорил тёмно-зелёную фляжку и сделал большой глоток.

…секунда и Альберт исчез, словно растворился в воздухе. Георгию показалось, что всё это произошло из-за того, что он моргнул. Глупо, конечно, но чувство было именно такое, что не моргни он, и Альберт по-прежнему стоял бы напротив, как ни в чем, ни бывало, морщась от выпитого зелья.

Георгий вернулся на кухню и закурил сигарету. Часы, висевшие на стене, показывали 13.10. «Как мало прошло времени, — подумал Георгий, — А кажется, что я торчу в этой квартире, по меньшей мере, около часа.

13.15. Он затушил сигарету, взял со стола пустой бокал и наполнил его холодной водой из-под крана. Залпом выпил. Вода показалась ему ледяной, такой ледяной, что перехватило дыхание.

13.17. Георгий поймал себя на том, что неотрывно следит за секундной стрелкой. По его мнению, она двигалась крайне медленно, подолгу застревая на каждом делении.

13.30. Он волновался всё сильнее и сильнее, понимая, что сделать ничего нельзя, что он не в силах изменить сложившуюся ситуацию.

14.00. Солнце издевательски светило в окно кухни. В квартире было тихо, и в этой тишине звук монотонно тикающих часов для Георгия превратился в звук механизма, готовящейся вот-вот взорваться, бомбы.

14.30. Всё! Надо было что-то делать. Но что?! Георгий запаниковал. Ему казалось, что стоит выйти из квартиры, как какой-нибудь не в меру любопытный сосед спросит его: «А где же Альберт? Ну-ка, признавайся, что ты сделал со своим другом»?!

14.35. «Придётся отправиться вслед за ним! — подумал Георгий. — Ведь нельзя же бросать друга в беде! Но почему же в беде? Может Альберт действительно лежит сейчас где-нибудь на пляже, загорает и «в ус не дует»! А я тут бестолково переживаю и выдумываю всевозможные беды, которые могут с ним произойти. Нет, нужно увидеть и узнать «куда, где, что и зачем»!

Георгий решительно оделся, подошёл к шкафу, на который Альберт указал перед уходом, открыл дверцу и достал оттуда бутылку. Она была заполнена на треть своего объёма. Затем он взял со стола папку Забредягина и сунул её за брючный ремень. Открутив маленькую белую крышку, Георгий приложил горлышко бутылки к губам и, зажмурившись, сделал два коротких глотка…

Глава 3

Удивительно, но никакого дискомфорта он не почувствовал. Не было ни ощущения падения в пустоту, ни ощущения полёта. Ничего похожего. Открыв глаза, Георгий увидел, что стоит по колено в снегу, на склоне высокого холма. Внизу, похоже, находилась замёрзшая река. За рекой, насколько хватало глаз, расстилался величавым изумрудным океаном хвойный лес. Георгий сразу обратил внимание на высоту деревьев. «На глаз — не меньше пятидесяти метров! — подумал он. — Вот так исполины!» Оглянувшись назад, он понял, что стоит отнюдь не на холме, а на некоем подобии горы, или вернее, сопки. Справ и слева, вдоль берега реки протянулась неровная гряда таких же сопок. Яркий солнечный свет наполнял этот пейзаж некой сказочной нереальностью. Ветра не было совсем, и установившуюся тишину лишь изредка нарушал крик какой-то лесной птицы. Зачарованный этой дикой красотой, Георгий стоял на месте, наверное, минуты две. Из оцепенения его вывело ощущение холода. Мороз прилично «прихватывал» уши и нос.

— Вот так Италия! — сказал он вслух и усмехнулся.

Георгий натянул шапку поглубже на уши, засунул бутылку с «Градиентом-Z» в рукав куртки и решил для начала осмотреться. Вокруг него не было ни единого следа, указывающего на присутствие живого существа.

«Влезу на сопку, и, если не увижу Альберта сверху, позову его», — решил Георгий. Поднявшись наверх, он ещё раз огляделся. Гряда сопок, как огромный барьер, исчезала за горизонтом. За этой грядой, как и за рекой, всё видимое пространство заполняли деревья-великаны. Их форма немало удивила Георгия. Они были похожи на обычные сосны, только с приплюснутой макушкой, как будто охотники за новогодними ёлками взяли да и срезали у каждого дерева его верхушку. С того места, где стоял Георгий, открывался замечательный обзор всей местности. Долго всматривался он в её детали, пытаясь уловить хоть какое-то движение. Увы, тщетно.

— Ого-го-го! Альберт! Ау! Где ты?! Альберт!!! — закричал Георгий.

Тишина. Орал он, наверное, около получаса. Затем, догадавшись, что друга поблизости нет, замолчал.

«Что же это за место? Сибирь?» Георгий никогда не был в Сибири, но был уверен в одном: таких деревьев, которые предстали перед его взором здесь, вообще на Земле не существует. Георгий не был трусом, но интуиция подсказывала ему, что нужно возвращаться домой. Да и что оставалось делать? Злосчастная жидкость, похоже, забросила Альберта в какое-то другое место. Логично рассудив, что раз Альберта тут нет, то и делать здесь нечего, Георгий начал спускаться вниз, по склону, возвращаясь туда, откуда начал поиски друга. Он почти уже добрался до места своего появления, оставалось сделать ещё шагов пять, когда непонятный шум заставил его остановиться. Он посмотрел вверх и застыл от ужаса. С неба, с невероятной быстротой, на него пикировала огромная птица. Георгий, не оглядываясь, побежал. Ни одной щели, ни одного камня, за которыми можно было бы укрыться, он не заметил. Громадная тень упала на него, заслонив солнце. Георгий бросился лицом в снег, обхватив голову руками. Едва он успел это сделать, как получил ужасной силы удар в затылок и потерял сознание…

«Неужели жив?» — подумал он, очнувшись. Голова нестерпимо болела. Георгий чувствовал, как по спине маленькими тёплыми каплями, течёт кровь, плечи его что-то сжимало, словно тисками. Он с трудом открыл глаза и увидел далеко под собой медленно проплывающую тайгу. Да, именно тайгу, иначе этот бескрайний зелёный ковёр нельзя было назвать. Георгий чувствовал над собой тяжёлые взмахи больших крыльев. Он понял, что птица, схватив его когтями за плечи, куда-то летит. «В роли добычи я ещё ни разу не был», — вдруг пришло ему в голову. Георгия сильно тошнило, и он снова закрыл глаза. Похоже, что череп его был цел, потому что он мог видеть, слышать и думать.

«Хоть бы эта тварь выронила меня, что ли!» Но Георгий чувствовал, что птица тащит его не для того, чтобы затем отпустить «с миром». «Наверняка сожрет!» Он подумал вначале, что если начнёт «брыкаться», то, может быть и удастся выскользнуть из её когтей, но, затем, отбросил эту мысль. Перспектива получить ещё один удар клювом по голове его отнюдь не радовала. Георгий решил: «Будь, что будет! Может и выкручусь». Через некоторое время птица стала быстро снижаться, и Георгий увидел прямо под собой стремительно приближавшееся гнездо, которое находилось на верхушке дерева, заметно возвышавшегося над остальными. Птица выпустила свою добычу из когтей прямо над гнездом, и, Георгий, пролетев около метра, шлёпнулся на жёсткие, корявые ветви, из которых, собственно, и была сплетена эта уродливая конструкция. Сама птица уселась на край гнезда и, издав громкий пронзительный крик, сложила крылья. Только сейчас Георгию удалось, как следует, рассмотреть её. На поверку птица оказалась самым обыкновенным орлом, но… орлом величиной с большого быка! Поистине, это было настоящее чудовище из кошмарного сна. Светло рыжее оперение птицы зловеще поблёскивало под лучами солнца. Клюв орла был размером с подъёмный крюк башенного крана, а когти, загнутые дугой, имели длину человеческой руки. Георгий не понял, как при нападении этого чудища ему удалось остаться в живых. Гнездо соответствовало размерам орла-исполина. По величине оно напоминало небольшой бассейн, какие часто устраивают при саунах. Но вот в гнезде… О, боже! Прямо на Георгия надвигались, неуклюже переваливаясь на коротких лапах, три орлёнка. Каждый из этих «малышей» вытянув шею, вполне мог дотянуться клювом до горла человека! У Георгия сработал инстинкт самосохранения. Позабыв о боли, он вскочил на ноги и попытался выдернуть один из сучьев, из которых было построено гнездо. И тут ему повезло! Георгий заметил среди переплетённых ветвей металлический блеск. Он просунул руку между ними и тотчас же ощутил холод стали. С остервенением загнанного зверя он, изо всех сил пытался вытащить неизвестный предмет. Глубоко внутри, в каждом человеке, заложена уверенность в том, что в подобной ситуации лишь металл и поможет. В этот момент один из птенцов клюнул его в ногу, отщипнув от лодыжки кусок драгоценной плоти и вырвав при этом клок ткани из брюк. Закричав от боли, Георгий с нечеловеческим усилием наконец-то выдернул желанный предмет. Им оказалась наполовину заржавевшая… сабля! Может, она и затупилась за время пребывания в логове хищника, но, как выяснилось, совсем немного.

Георгий снёс её ударом голову плюющемуся птенцу. Птица, до этого сидевшая на краю гнезда (видимо, она была уверена в том, что её детишки расправятся с добычей без посторонней помощи), взмахнув крыльями, прыгнула на Георгия, собираясь отомстить за своё убиенное чадо. Несмотря на то, что до этих самых пор Георгий подобного оружия в руках никогда не держал, и, обращение с саблей было ему в новинку, он проявил чудеса человеческой ловкости. Георгий увернулся от удара клювом, прыгнул вправо, оказавшись сбоку от птицы, и вонзил остриё клинка прямо в ее чёрный, злобно сверкающий глаз. Он быстро выдернул саблю, так как птица, забившись в агонии, беспорядочно заметалась по гнезду, грозя раздавить Георгия. Он влез на самый край гнезда и подождал, пока птица не испустит дух. Прошло несколько минут, и она затихла. Двое, оставшихся в живых, птенцов, прижимались к птице, истошно крича и не обращая на Георгия никакого внимания. Он осторожно подкрался к ним сзади и отрубил обеим головы. Жалости Георгий не чувствовал, ведь они только что собирались его растерзать!

Георгий сел на дно гнезда. Его одежда была порвана в клочья, шапка видимо слетела с головы еще во время полёта, но всё это в настоящий момент мало заботило Георгия. Каждая косточка его тела болела, рана на ноге сильно кровоточила, плечи от захвата огромных когтей ныли так, будто в них забили по большому гвоздю, к тому же по всему телу каждую секунду пробегала волна мелкой противной дрожи.

Подул колючий холодный ветер. Только сейчас Георгий понял, что запросто может замёрзнуть в этом гнезде. Каким-то чудом он не потерял шарф, тот застрял за пазухой, под курткой. Георгий обмотал его вокруг головы, наподобие восточной чалмы. Голова сразу же

согрелась. Это немного взбодрило Георгия, но тут же его посетила мысль, от которой подкосились ноги, а на лбу выступил холодный пот.

«Градиент-Z»! Где же бутылка?» Папка Забредягина валялась у него под ногами. Бутылки же нигде не было…

Георгий похлопал себя со всех сторон по куртке, залез за пазуху, несмотря на то, что уже догадывался, что все эти действия до безумия бессмысленны. Затем он обшарил гнездо, перевернул туши мертвых орлят, думая: «Может бутылка под ними?» Труп большого орла ему, конечно же, перевернуть не удалось. В бешенстве Георгий начал рубить тушу на куски. «Может быть, в пылу схватки я не заметил, как бутылка оказалась под птицей?»

Солнце уже клонилось к закату, когда Георгию удалось отодвинуть последнюю часть туши с помощью толстой палки, которую он вырубил из гнезда. Ничего… Пусто… Георгий закричал:

— И зачем я ввязался в это дело?! Лучше бы эта тварь убила меня! Теперь мне придётся навсегда остаться здесь!

Боль в ноге вернула его к действительности. Осмотрев рану, нанесённую птенцом, он кое-как перевязал её носовым платком. Рана оказалась не очень серьёзной. На затылке вздулась огромная кровоточащая шишка. Ладони, покрытые многочисленными царапинами и ссадинами, посинели от холода. В карманах Георгий обнаружил тёплые перчатки и надел их.

Теперь нужно было подумать о том, как выбраться из гнезда. Он подошёл к его краю и посмотрел вниз. До ближайшей ветви, которая могла бы выдержать вес его тела, было метра два. «Без верёвки не обойтись», — с огорчением подумал Георгий. Он ещё раз осмотрел гнездо. Среди обломков костей и прочего мусора Георгий заметил тёмный округлый предмет. Подняв его, он понял, что это не что иное, как стальной шлем. Самый настоящий шлем, как у богатырей на картине Васнецова. Георгия порадовало то, что размеры шлема были, самыми что ни на есть, обыкновенными. «Что ж, по крайней мере, люди здесь отнюдь не великаны». Ни надписей, ни узоров на шлеме не было. Георгий отбросил его в сторону, потому как увидел кое-что поинтереснее. Кожаная сумка с длинным ремнём валялась тут же. Георгий поднял её и заглянул внутрь. Увы, она была пуста. Он попробовал её на прочность. Кожа оказалась толстой и очень прочной, видимо сумка попала сюда совсем недавно. Не обнаружив более никаких предметов, он взял саблю и срезал у сумки ремень. Однако длина ремня оказалась недостаточной для того, чтобы дотянуться до ближайшей ветви. Тогда Георгий разрезал сумку на полосы и, связав их крепко между собой, привязал к отрезанному ранее ремню. Теперь длина оказалась подходящей. Георгий выбрал в переплетениях гнезда сук покрепче, привязал к нему один конец ремня, а другой конец сбросил вниз. Уже собираясь спускаться, он вдруг подумал: «Что же я буду делать дальше? Надо ведь чем-то питаться». Он обернулся и посмотрел на мёртвых птиц. «А это разве не еда? Если мясо съедобно, при таком морозе его запаса хватит надолго!»

Недолго думая, он подтащил мёртвых птенцов к краю гнезда и сбросил их вниз, одного за другим. Судя по тому, как долго они падали, высота от гнезда до земли была приличной. Поверхности земли сверху не было видно, но, судя по звуку падения, все три тушки благополучно достигли цели, не застряв по пути в ветвях. Георгий подумал, что не мешало бы скинуть с дерева и то, что осталось от большой птицы, но решил этого не делать. Надо было как можно скорее, до темноты, спуститься вниз и развести костёр, чтобы не замёрзнуть окончательно.

Предусмотрительно закрепив за спиною саблю (для этого пришлось продырявить куртку в двух местах), он перелез через край гнезда и по ремню спустился до первой ветви. Перебравшись по ней к стволу дерева, Георгий начал спуск. По существу, это дерево было самой обыкновенной сосной. Но каких размеров! Ствол наверху имел окружность в два обхвата, и оставалось лишь догадываться, какого диаметра он был у основания. Соседние деревья были немного пониже того, по которому спускался Георгий. Но все они, до единого, были увенчаны плоскими наростами в форме блина, поросшего тонкими колючими ветками.

«Нечего сказать, это идеальное место для постройки такого большого гнезда… Неудивительно, что птица выбрала дерево повыше. Если какая-нибудь живность влезет на соседнее дерево, то сразу будет замечена, а по этому стволу снизу добраться до гнезда почти невозможно», — думал Георгий, спускаясь всё ниже и ниже. Спуск не был очень тяжёлым, так как ветви росли близко друг от друга, а ствол имел множество мелких сучьев, за которые довольно удобно было цепляться. Единственное, чего опасался Георгий, так это того, что в ветвях и дуплах дерева могла поселиться ещё какая-нибудь тварь, желающая им полакомиться. Но его опасения оказались напрасными. На гигантской сосне, кроме него и каких-то мелких невзрачных птичек, стайку которых он спугнул, больше никого не было. Тем не менее, спуск по времени занял около часа. Уже стемнело, когда Георгий наконец-то добрался до земли. Прислонившись к массивному стволу, он несколько минут стоял, отдыхая. Но пока не наступила ночь, надо было подумать о костре. На его счастье, вокруг было много валежника. Георгий принялся собирать его и, наломав большую кучу сухих ветвей, вытоптал в снегу место для костра. Вот когда он порадовался, что не бросил курить! В кармане у него лежала полная коробка спичек (в зажигалке Георгия накануне закончился газ), которую он захватил, ещё выходя из дома утром. Нашарив там же клочок бумаги с каким-то номером телефона, Георгий сунул его в кучу валежника и поджёг. Огонь разгорелся на удивление быстро и, глядя на него, Георгий успокаивался, говоря себе:

— Ничего, ничего! Есть огонь, есть и жизнь!

Он закурил и протянул к костру руки. Пальцы омывала волна тепла, и от этого Георгий испытывал истинное наслаждение. Он наломал пушистых сосновых веток и улёгся на них перед костром. Есть ему не хотелось. Пережитые события начисто уничтожили чувство голода. Георгию очень хотелось спать.

Вдруг, где-то рядом неожиданно громко хрустнула ветка. Сон моментально улетучился. Георгий схватил саблю, лежавшую под рукой, встал и прислушался. Тишина. Напряжено всматриваясь в ту сторону, откуда послышался треск, он стоял, не двигаясь несколько секунд, сжимая рукоять сабли до боли в руке.

Треск вновь прорезал тишину. Превозмогая страх, Георгий шагнул вперёд, пытаясь разглядеть что-нибудь в кромешной тьме. На мгновение ему показалось, что там, в чаще, что-то блеснуло… Сильный удар в плечо заставил Георгия отшатнуться назад, да так, что он едва не упал в костёр. Взглянув на свою руку, он удивился и одновременно разозлился: «Да когда же это кончится-то?!» Короткая стрела с оперением из ярко-красных перьев торчала у него из плеча. Костёр вдруг стал увеличиваться, пухнуть, прямо на глазах. Георгию показалось, что горит уже весь лес. Ему стало невыносимо жарко. Он почувствовал сильное жжение в желудке, как будто только что выпил стакан чистого спирта. Потом в глазах его резко потемнело, и Георгий повалился навзничь, потеряв сознание.

Глава 4

Очнулся он от прикосновения к лицу чего-то холодного и мокрого. Георгий открыл глаза. Прямо над собой он увидел симпатичное лицо девушки. Девушка заботливо и нежно прикладывала к его лбу кусок ткани, смоченный водой. Заметив, что Георгий смотрит на неё, она улыбнулась и сказала:

— Ну, вот, наконец, ты и проснулся. Уже почти полдень.

— Где я? — спросил Георгий, с трудом разомкнув спёкшиеся губы.

— Ты в доме Свободного Охотника Грога, а я его дочь — Нира. Не бойся, принц, теперь тебе ничего не грозит. Я ранила тебя, извини. Ты — хороший охотник, принц. Ты ведь убил Зирха и весь его выводок? Так ведь?

Георгий кивнул.

— В последнее время совсем нельзя было выйти к реке, я думала — это навсегда. У Зирха ведь появилось потомство — три птенца. Если б они подросли, я не знаю, что я тогда делала бы, ведь Зирха в одиночку убить невозможно. Кстати, как твоё имя, принц?

— Меня зовут — Жора или Георгий, кому как нравится. И никакой я не принц. Не называй меня так. Средневековье какое-то…

— Что это за слово — «сред-не-ве-ковье»? — с трудом, по слогам, повторила девушка. — Сразу видно, что ты издалека. И что это за странное имя — «Жора», принц? Ты не хочешь назвать мне своё настоящее имя?

— Я ещё раз говорю тебе — никакой я не принц! И, вообще, мне не до шуток. Я устал, у меня болит плечо и, вдобавок, я хочу пить!

Георгий приподнялся и сел на кровати. Голова закружилась, он почувствовал ужасную слабость и понял, что если попытается встать, то неизбежно потеряет сознание.

— Я принесу тебе попить, да и поесть не мешало бы!

Нира вновь улыбнулась, и Георгий отметил про себя, что она очень красива. Блондинка с серыми манящими глазами, гордым профилем, тонко очерченными линиями скул и чувственным ртом… Она была просто прекрасна!

Нира встала и подошла к очагу. Под грубыми кожаными брюками и простой полотняной рубахой всё же угадывалось стройное тело. «Лет двадцать пять ей, не больше», — подумал Георгий, а вслух спросил:

— Как называется это место?

— А то ты не знаешь, принц! — усмехнулась она, не оборачиваясь. — Это — Гиблые Леса.

Георгий задумался. Всё было здесь как-то не так. Сначала эта диковинная тайга, потом птица, стрела в плече… «Куда же я попал? Девушка разговаривает со мной на чистейшем русском языке…". Русский язык! Вот что его «смущало»!

— Я тебя хочу спросить, как вообще называется эта страна?!

— Ну-у, принц… — Нира повернулась к Георгию, сочувственно покачивая головой, — Ты, видно, крепко ударился! Это же Мазергала! А ты, наверняка, родственник короля Аллоклия. Это видно по тому, как ты держишься. Да и одежду тебе, наверное, сшили лучшие мастера-портные из города Вааха, нашей столицы. Там же таких морозов, как в наших Гиблых Лесах, не бывает. В такой куртке и в таких ботиночках ты бы здесь замерз насмерть! И, вообще, как же ты здесь оказался? — Нира на секунду замолчала, а потом радостно добавила:

— Король должен меня наградить! Ведь если б я не нашла тебя, ты бы погиб!

Георгий смотрел на неё, понимая, что она не лжёт. «Мазергала… „Градиент-Z“, похоже, занес меня в какое-то „другое измерение“, в варварский мир с королями, саблями и стрелами! Час от часу не легче! Если б я был на Земле, моей Земле, у меня был бы шанс добраться

до дома. Похоже, придётся навсегда остаться в этой Мазергале! „Градиент-Z“ потерян безвозвратно. Сколько времени летела птица, после того, как схватила меня? Довольно долго. Бутылка могла выпасть где угодно. Её нет смысла искать в этих бескрайних лесах, где снега навалено по самые… Если только Альберт тоже попал сюда, если он здесь, если фляжка с жидкостью всё ещё у него… Слишком много „если“… Но, в любом случае, надо искать Альберта. Больше ничего мне не остаётся делать».

Георгий оторвался от грустных мыслей и спросил:

— Слушай, Нира, так это ты подстрелила меня?

— Прости, принц…

— Не называй меня принцем! Зови меня — Жора!

— Прости…, Жора.

— Так зачем ты выстрелила в меня?

— У тебя в руках была сабля, — пожав плечами, сказала Нира. — Сабля моего отца — Грога. Он ушёл в лес, на охоту, три месяца назад, и не вернулся. Всё это время я искала его, а когда увидела тебя с его саблей в руке, подумала: «Это разбойник — оборотень! Он и убил моего отца, раз у него в руке его сабля»! Вид у тебя был страшный, как будто бы ты полгода скитался по лесу. Я и выстрелила. Хорошо, что промахнулась и попала в плечо! — она показала на арбалет, который висел на стене.

— Плечо распухло, будь здоров! — зло поморщился Георгий и кивнул на свою левую руку, перевязанную какими-то тряпками.

— Наконечники стрел я всегда смазываю ядом Кирхве — водяного жука. Это не смертельно, но полдня ни один зверь подняться не может.

— Очень приятно это слышать, — съязвил Георгий.

— Не злись, Жора. Хорошо, что ты жив ещё.

Она улыбнулась и от этой улыбки Георгий тут же «оттаял». Согласитесь, когда вам улыбается красивая девушка, вы готовы простить ей любые обиды.

— Твой отец, Нира, по-видимому, стал добычей этого Зирха. Саблю-то я в гнезде нашёл.

— Я поняла это, — кивнула она в ответ. — Сабля немного заржавела, да и ножен при тебе не было. Ты знаешь, я подобрала убитых тобой птенцов, и, теперь, до конца зимы, мне нет нужды охотиться. Мяса навалом, на двоих хватит… — она чуть помедлила и спросила:

— Я хочу узнать, Жора, как же ты всё-таки попал в наши края? Что ты ищешь здесь?

— Я ищу друга, Нира, — ответил Георгий. — Он должен быть здесь, в этой стране. Ты не встречала здесь случайно человека, одетого почти так же, как я? Этот человек должен был появиться в вашей Мазергале.

Нира в ответ отрицательно покачала головой.

— Нет, Жора, не встречала. Вокруг нас, будь уверен, на две версты (Верста — Мера длины в Мазергале, равная примерно 1 км. — Примечание автора). Сейчас нет ни одного человеческого существа. Если бы кто-нибудь появился, Дико и Мерг тут же дали бы мне знать. Они чувствуют запах чужака за две версты.

— Кто это — Дико и Мерг?

— Мои псы. Они и сторожа и охотники, и ездовые собаки. Я познакомлю тебя с ними, Жора. Благодаря им, я нашла тебя.

— Я расскажу тебе, Нира, как я попал сюда, — со вздохом сказал Георгий. — Нелепая история. Мы, с моим другом Альбертом, выпили…, как бы тебе это объяснить… М-м-м, волшебную жидкость. И я оказался здесь, а он, не знаю, где. Едва я успел опомниться, как меня схватил этот Зирх. Дальше ты всё знаешь. Теперь мне надо найти Альберта, но я не знаю, как это сделать. У меня с собой была бутылка с жидкостью, но, видимо, она выпала в то время, когда Зирх нёс меня в своё гнездо. Без этой жидкости я не могу вернуться обратно в свою

страну, а найти бутылку в этом диком лесу невозможно. Это всё равно, что искать иголку в стоге сена. Вот и вся история.

— Выходит, ты не родственник короля Аллоклия, а обычный чужеземец… — разочарованно протянула Нира. — А я, было, подумала, что награда за твоё спасение уже у меня в кармане. Ну да ладно. Всё равно ты неплохой человек. Моих собак не обманешь. Как только они почуяли твой запах, то наперебой «загалдели» о том, что тебя надо спасать, но я им не поверила и всё же выстрелила в тебя. Уж больно вид у тебя был разбойничий.

— Стоп! Они у тебя что, говорящие, что ли?!

— Говорящие, но ты их не услышишь. Они говорят не голосом, а мыслями. И разговаривать с ними может только тот, кто «возился» с ними, когда они были ещё щенками.

— Вот так да-а-а… — задумчиво промолвил Георгий. — Там, откуда я прибыл, животные с людьми говорить не могут.

— У нас все животные могут говорить. Одни — мыслями, другие — голосом, — возразила Нира. — Надо только уметь их слушать. Вот волшебники могут слышать мысли всех животных, и могут разговаривать со всеми… А где находится твоя страна? — вдруг спросила она.

Этот вопрос немало озадачил Георгия. Как он мог объяснить ей, где находится Россия, если сам не знал толком, куда попал!

— Если честно, я не знаю, — ответил он. — Может, она где-то рядом, а может так далеко, что и представить себе нельзя. Может это другая планета, откуда я знаю? А может это та же самая Земля, только мир ваш параллелен нашему.

— Ты опять говоришь непонятные слова, Жора, — она задумалась. — Может, ты из-за Буйного Моря и тебя принёс колдовской вихрь? Но на волшебника ты не похож… Может, ты просто потерял память? Тогда тебе надо в Ваах, к Белому Магу Грознику. Грозник добрый. Он не возьмёт ни одного «золотого» с потерявшего память и бесплатно расскажет тебе кто ты и откуда.

Георгий смотрел на неё удивляясь, как эта девушка совершенно серьёзно рассказывает о вещах, которые у него на родине существуют только в детских сказках. Он прямо сказал ей об этом. Нира сочувственно ответила:

— В твоём мире, Жора, наверное, скучновато. Не захотела бы я там жить.

Георгий собрался, было возразить, но передумал. Может, в его мире было и скучно, но в данный момент он хотел оказаться именно там.

Пока они разговаривали, Нира приготовила обед. Жаркое из мяса птенца Зирха оказалось очень вкусным, вот только вместо хлеба они ели сушёные плоды какого-то дерева. Вкус этих плодов чем-то напоминал вкус овсяного печенья, и когда Георгий высказал вслух своё неудовольствие по поводу отсутствия хлеба. Нира, пожав плечами, ответила ему, что никогда не слышала о таких вещах, как «мука» и «хлеб». Вместо чая она подала Георгию напиток с ароматным дурманящим запахом. После того, как Георгий сделал несколько глотков, настроение у него улучшилось, он подумал, что всё не так уж плохо, когда есть крыша над головой и тёплый очаг.

Солнечный свет вливался в хижину через единственное окошко, освещая её скромное убранство. Сделанные из грубых не струганных досок полки занимали часть стены от очага до угла хижины. На этих полках была разложена кухонная утварь, лежали там также рыболовные снасти, капканы, пара арбалетов и ещё несколько предметов для охоты, о назначении которых можно было только догадываться. Кровать, на которой лежал Георгий, стояла справа от окна, а слева, почти в самом углу, находилась кровать Ниры. Рядом с этой кроватью стоял сундук, накрытый сверху шкурой какого-то животного. Посреди комнаты находился стол из чёрного дерева, возле которого стояли две массивные скамьи. Рядом с дверью была прибита вешалка для одежды, на которой висела меховая тёплая куртка. Под вешалкой стояла пара унтов —

высоких меховых сапог. Тут же, в углу, прислонённые к стене, стояли широкие лыжи, незаменимые для охотника в зимнюю пору. В хижине было чисто убрано, всё указывало на то, что Нира — аккуратная хозяйка…

Незаметно для себя, сытый и опьянённый ароматным чаем, Георгий уснул…

Проснулся он лишь утром следующего дня. Ниры в хижине не было. Георгий заволновался, но, услышав за дверью шаги и глухой собачий лай, тут же успокоился и попытался встать. Сегодня он чувствовал себя гораздо лучше, однако, стоило ему свесить ноги с кровати, как комната перед глазами стала раскачиваться из стороны в сторону, и он вновь забрался под одеяло. Вошла Нира. Лицо её, раскрасневшееся от мороза, дышало здоровьем и какой-то первобытной природной красотой. Взгляд её серых глаз и очаровательная улыбка смутили Георгия. «Боже, как же она красива!» Ему, бесспорно, нравилась эта девушка.

— Доброе утро, Жора! Я вижу, тебе намного лучше. Сейчас будем завтракать.

Георгий кивнул в ответ. Его тронула её забота. Всегда приятно осознавать, что ты кому-то нужен.

— Дай мне мою одежду, Нира. Я попробую встать.

Она подошла к очагу, перед которым на верёвке висели его брюки, рубашка и свитер, и, сняв всё это, протянула ему. (Нира раздела Георгия ещё в то время, когда он лежал без сознания, находясь под действием яда Кирхве). Георгий, поднявшись, стал одеваться. Голова сначала сильно кружилась, и, потому, надевая рубаху, он долго не мог попасть в рукав. Не выдержав этого печального зрелища, Нира спросила:

— Может, рано тебе вставать-то?

— Ничего, это сейчас пройдёт, — ответил Георгий. Ему стыдно было выглядеть перед нею слабым.

Нира решительно подошла и помогла ему застегнуть пуговицы на рубашке. Чувствуя, как её нежные и, вместе с тем, сильные пальцы касаются его тела, чувствуя близость её алых губ и ровное глубокое дыхание, Георгий непроизвольно обнял девушку. Она подняла голову и, серьёзно посмотрев ему прямо в глаза, вдруг рассмеялась и, вырвавшись из его объятий, шутливо погрозила пальцем.

— Я знаю, Жора, у тебя есть женщина и ребёнок в той стране, из которой ты прибыл. Не шали. Я знаю вас, мужчин. Всем вам только одно и нужно! Ха-ха! Смотри-ка, как ты покраснел!

Георгий действительно почувствовал как «горят» его уши. Ему стало немного стыдно за своё поведение, и он невольно опустил глаза.

— Откуда ты знаешь о том, что у меня есть женщина? — тихо спросил он, стараясь не смотреть на девушку.

— О, это очень просто! Я нашла в твоём кармане интересную картинку.

Она подошла к полкам и достала оттуда какой-то свёрток. Когда она развернула его, Георгий увидел злосчастную папку Забредягина. На папке лежал паспорт Георгия, который он постоянно носил с собой. Георгий вдруг вспомнил, что за обложку паспорта прошедшей осенью заложил фотографию, на которой он был запечатлён вместе с женой и дочерью на фоне сентябрьского леса.

— Это нарисовал очень хороший художник, — сказала Нира, задумчиво рассматривая фотографию. — Кажется, что ты сейчас выйдешь из картинки и заговоришь.

Георгия развеселила её наивность, и он, с пафосом, сказал:

— Да! Её написал лучший художник моей страны! Самый лучший, какого только можно было найти!

Не удержавшись, Георгий громко засмеялся. Нира, хитро прищурившись, подозрительно посмотрела на него.

— Что тебя так рассмешило, Жора?

— Нира, не хочу врать, но такие картинки в моей стране машина делает за несколько минут.

Девушка непонимающе посмотрела на Георгия. Видя её замешательство, он спросил:

— Ты что, не знаешь, что такое «машина»?

Нира отрицательно покачала головой. Георгий вздохнул:

— Ну, это такой предмет, который облегчает человеку жизнь, выполняя за него некоторые работы, — как мог, объяснил он.

— …

«Да-а-а, плохо дело», — подумал Георгий.

— Кстати, твой арбалет тоже своего рода машина, — добавил он, показывая на оружие лесной жительницы, которое висело на стене.

— А-а-а, понимаю! Машины — это, например, те же катапульты, которые стоят в Ваахе для защиты от врагов! — наконец догадалась Нира. — Я сама их не видела, но мой отец, когда был в городе, видел их. Он рассказывал о том, как хитро они устроены, но я мало что поняла. Это оружие придумал Грозник.

Георгию вдруг пришла в голову интересная мысль. «Если здесь, в этом мире, волшебники могут строить катапульты, значит, они владеют элементарными научными знаниями. Что если мне добраться до этого Грозника и попросить его о помощи?»

— Подай-ка мне остальные бумаги, Нира, — попросил Георгий, натягивая свитер.

Нира протянула ему папку. Георгий развязал тесёмки и раскрыл её. Обе рукописи были на месте.

— Нира, мне нужно попасть в этот ваш Ваах, к Грознику. Может он поможет мне вернуться домой? Или хотя бы отыскать моего друга… — тихо промолвил он.

— У-у-у, Жора, — протянула Нира. — До Вааха месяц пути! Но сейчас идти нельзя — морозы очень жестокие. Вот недели через три станет теплее, тогда и пойдём.

— Пойдём?! Ты сказала — «пойдём»?! — Георгий подумал, что ослышался. — То есть ты собираешься в Ваах?

— Да, собираюсь. Каждый год мы возим туда вдвоём с отцом…, вернее, возили вдвоём, шкурки топов. (Топы — красивейшие зверьки с пушистым мехом серебристо-серого цвета, очень похожие на маленьких плюшевых медвежат. — Примечание автора). На ваахском рынке за них можно выручить хорошие деньги.

То обстоятельство, что Нира собиралась идти в Ваах, несказанно обрадовало Георгия. Ему не хотелось всю оставшуюся жизнь провести в Гиблых лесах. Даже рядом с Нирой…

***

Вскоре Георгий окончательно оправился и стал помогать Нире по хозяйству. Здесь пригодились его навыки плотника. Он починил крышу хижины и поправил частокол, окружавший её.

В принципе, хозяйство Ниры было нехитрым. Хижина состояла из единственной комнаты и кладовой. Во дворе же находились загон для домашних коз и сарай, в котором жили псы. Эти две собаки сначала вызывали у Георгия чувство благоговейного страха. Огромные, с пастями-капканами, длинной, свисающей космами, бурой шерстью, Дико и Мерг, однако были, по существу, лишь собаками больших размеров. Они быстро привыкли к Георгию. Нира оказалась права, когда сказала, что они «чувствуют, каков в душе человек». По крайней мере, дней через десять, когда Георгий мог уже кормить их без опасения быть съеденным, они с радостью бросались к нему, пытаясь вылизать ему лицо в порыве своего бурного собачьего восторга.

Дни, проведенные в хижине, запомнились Георгию навсегда. Каждый вечер, отправляясь спать, он пытался отогнать прочь своё желание забраться к Нире в постель. Однажды он лёг раньше нее и притворился спящим, накрывшись одеялом с головой. Она, думая, что гость спит, стала раздеваться. Чуть отогнув уголок одеяла, Георгий, затаив дыхание, наблюдал за

нею. Тело Ниры было безупречным. Таких красавиц он в жизни не видывал! Она, раздевшись донага, надела ночную рубашку и грациозно скользнув под одеяло, почти тут же уснула. А Георгий полночи проворочался, прогоняя прочь обуревавшую его страсть. Думаете, он не пытался добиться расположения Ниры? Чёрта с два! Пытался. Но то ли попытки его были слишком уж развязны, то ли, (что, скорее всего, но она ему в этом не призналась) она ещё не познала мужчину, Георгий, в результате, что называется, остался «за бортом». Да при этом ещё получил хороший удар кулаком в лоб. Удар, достойный сильного мужчины. После этого, осознав, что в настоящий момент, его поползновения успеха иметь не будут, Георгий перестал торопить события и успокоился. «Ещё не вечер», — обнадёживал он себя, потирая ушибленный лоб.

Наконец, три недели, упомянутые девушкой, прошли, и Георгий с Нирой стали собираться в путь. Они доверху загрузили лёгкие сани запасом провизии, шкурками топов и кое-какой утварью, без которой в пути не обойтись, а затем Нира запрягла в эти сани псов. Собаки, предчувствуя дальнюю дорогу, выглядели печально-спокойными и покорно повиновались командам Ниры.

Георгий наглухо заколотил дверь и окно хижины заранее приготовленными досками, а ворота в частоколе подпёр изнутри тяжёлым бревном. Потом он перелез через забор и подошёл к саням.

— Ну, вот и всё, Нира!

Девушка дёрнула поводья и, причмокнув губами, выкрикнула:

— Гок! Гок!

Собаки, сдвинув сани с места, неспешно побежали. Георгий и Нира шли рядом с ними, на лыжах…

Глава 5

Природа Мазергалы была девственно-дикой, нетронутой рукой человека. Путешественники шли между соснами-великанами, выбирая дорогу поровнее. Время от времени поглядывая вверх, Георгий ловил себя на мысли, что среди деревьев-исполинов он кажется сам себе чем-то незначительным, мелким и лишним в этом мире. Ему казалось, что лес с удивлением смотрит на него: «Что делает здесь этот чужеземец? Ему здесь не место!»

Георгий размышлял: «Всё же, какой я бесшабашный человек! Залез на край света, в какую-то Мазергалу, и бегу теперь неизвестно куда и зачем»! Во всём этом был один «плюс». Георгию было интересно, чем всё это закончится. В конце концов, он был оптимистом по натуре, и в тот момент ему хотелось верить в то, что всё будет хорошо…

Вскоре они вышли к реке. К той самой, замершей, занесённой снегом реке, на берегу которой Георгий впервые оказался, попав в Мазергалу. Нира называла эту реку — Баснама. Выехав на её середину, они остановились. Когда Георгий спросил: «Почему?», Нира, оглядываясь по сторонам, ответила:

— Надо осмотреться.

Она взяла один из двух арбалетов, лежавших на санях, поверх поклажи, щёлкнула курком «предохранителя» (представлявшего собой нехитрое стопорное устройство), и, вставив короткую стрелу в ложе арбалета, положила оружие обратно на сани. Георгию она посоветовала сделать то же самое. За время пребывания в хижине он научился кое-как пользоваться этим примитивным оружием. Зарядив свой арбалет, он расположил его на санях так же, как это сделала Нира.

— Для чего это нужно? — спросил Георгий.

Нира ответила:

— Разбойники-оборотни! Если увидишь где-нибудь дымок от костра, тут же дай мне знать. Эти типы очень опасны.

— Почему ты называешь их оборотнями? Они, что могут превращаться в зверей?

— Нет. Они притворяются Свободными Охотниками. Как правило, их трое или четверо. Они поступают так: пытаются отравить собак Охотника, а после этого, если собаки мертвы, один из них, ночью, подойдя к хижине, и выдавая себя за сбившегося с пути человека, просится на ночлег. Хозяин открывает ему двери, и… Они очень жестоки. Это всё из-за шкурок топов… — она на секунду замолчала. — Сейчас — самое опасное время. Они нападают нагло, в открытую, поэтому Охотники собираются вместе, небольшими группами, чтобы добраться до Вааха с товаром, целыми и невредимыми.

— Но ведь мы сейчас едем одни! — возразил Георгий. — Где же остальные?

— Мы, Жора, сейчас с тобою находимся на самой окраине Мазергалы. За нами, на Востоке, — она обернулась назад и махнула рукой, — лежат неизведанные земли и называются они — Запределье. Некоторые из нас, Свободных Охотников, пытались узнать, что там находится, кто живёт, но, насколько мне известно, оттуда вернулся только один человек, да и тот недолго прожил. Он принёс оттуда золото. Он рассказывал такие невероятные истории, что его посчитали сумасшедшим. Он говорил, что видел там полузверей-полулюдей, которые копают огромные ямы и летают по воздуху на каменных плитах. А ещё он говорил, что в Запределье шла война между драконами, которые живут там во множестве. Я, кстати верю, что драконы существуют. Мой покойный отец видел давным-давно одного. Отец говорил, что драконы не любят залетать в Мазергалу, так как здесь слишком много деревьев, а эти чудовища, наверное, любят простор… Ещё тот человек говорил, что в Запределье много золота и после этого многие ушли на Восток, чтобы разбогатеть. Никто из них не вернулся обратно. А сейчас интерес к этим краям пропал. Уже года два я не видела ни одного человека, идущего на Восток… Ты

спросил, почему мы одни? Я тебе сейчас объясню. Просто за нами уже никого нет. Ни один Свободный Охотник не отважился забраться так далеко. Только мы… — лицо Ниры стало печальным. — А мамы я совсем не помню. Мне было два года, когда её убили разбойники. Мы жили тогда недалеко от Вааха, в посёлке под названием Алхона. Однажды, как мне рассказывал отец, мама пошла за покупками в Ваах. Она засиделась там, у подруги, и когда вышла из города, уже стемнело. На окраине Вааха на неё напали разбойники. Они ограбили и убили её. Этих разбойников не удалось найти. Отец сам пытался отыскать их и отомстить за смерть мамы, но у него ничего не вышло. Он «ушёл в себя», всё валилось у него из рук. Он не мог спокойно смотреть на то, как люди радовались, веселились, пели, поэтому-то он и забрался в эту глушь. Справиться с тоскою он не мог даже тогда, когда мы перебрались в Гиблые Леса. Лишь один раз в год мы приезжали с ним в Ваах, где он продавал меха, чтобы на вырученные деньги купить оружие, продукты и инструменты. Так мы и жили все эти годы. Отец хотел, чтобы я вышла замуж за порядочного человека из Вааха, но я пока не встретила такого. Не знаю теперь, как я буду жить. Может, когда мы с тобой доберемся до Вааха, я останусь там. Одной в Гиблых Лесах жить слишком опасно, да и тоскливо…

Долгое время Георгий и Нира шли молча, не разговаривая. Да и что Георгий мог сказать ей? Слова сочувствия вряд ли поддержали бы Ниру.

Когда солнце перевалило за полдень, путешественники, свернув на опушку леса, устроили привал.

Котелок с дымящимся мясным супом мерно покачивался над пылающим костром. На безоблачном небе ярко сияло зимнее солнце. Мороз, как и предсказывала Нира, был уже не таким сильным. Попивая из плошки горячий чай, Георгий думал о своём доме. «Наверное, на родине, меня уже усиленно ищут. Представляю, как сейчас переживают мои родные! Наверное, думают, что меня и в живых-то нет». От этой мысли ему стало грустно. Он чувствовал себя виноватым, но, увы, в данный момент ничего изменить не мог.

— Дней через пять мы должны быть у Лукана, — прервала Нира его невесёлые мысли. — Он нас, наверное, уже ждёт и должен присоединиться к нам.

— Кто это — Лукан? — спросил Георгий.

— Лукан, Жора, тоже Свободный Охотник. Его ещё называют Криволицым. Раньше он был шкипером и ходил в море на своем собственном торговом корабле. Однажды этот корабль попал в сильнейший шторм в Буйном Море и затонул. Вся команда погибла. Кроме Лукана. Его, еле живого, подобрал другой корабль, который шёл в Ваах. Когда Лукан сошёл на берег, люди шарахались от него в разные стороны. Он долго пробыл в холодной воде, и лицо его жутко изменилось. С непривычки можно было подумать, что в нём живут сразу два человека. Одна половина лица у него всегда улыбается, а вторую половину заклинило в зловещей гримасе. Даже Грозник не смог вылечить его. Лукану пришлось закрыть страшную половину лица куском чёрной ткани, чтобы не пугать окружающих. В Ваахе он не прижился, несмотря на то, что он был и остается добрым человеком. И всё из-за лица. Он остался совсем без денег и решил попытать счастья в Гиблых Лесах. Он хотел найти здесь золото, а нашёл хижину старого умирающего Свободного Охотника, за которым и стал ухаживать, скрашивая тому одиночество последних дней. После смерти старика хижина досталась Лукану. Это было давно. Теперь Лукан сам уже почти старик. Он — хороший человек… Как он расстроится, когда узнает, что мой отец погиб! Они ведь были друзьями.

— Нира, а почему вы называете себя Свободными Охотниками, а не просто — «охотниками»? — спросил Георгий.

— Ну, те охотники, которые живут в Ваахе и его окрестностях, именуются просто — «охотниками», потому что обязаны платить пошлину в казну Королевства, а с нас эту пошлину король Аллоклий не берет, потому что мы живем слишком далеко от Вааха, а король не понаслышке знает, как здесь тяжело. Аллоклий — справедливый король. Он сам в молодости ски-

тался по этим лесам, а потом вышел к морю и за несколько лет превратил полуразрушенный город в столицу Мазергалы. Городские, как мы их называем, охотники, недолюбливают нас. Ещё бы! Когда мы приезжаем, цена на мех резко падает. В городе идёт бойкая торговля. Гавань просто забита заморскими кораблями. Во время ярмарки там очень весело! Балаганы, трактиры, фейерверки…

Пообедав, они снова тронулись в путь. Белой бесконечной лентой перед путешественниками расстилалась река. Гряда сопок слева вскоре закончилась и теперь, с обеих сторон, их обступал лес.

Смеркалось. В сумерках лес выглядел угрожающе-мрачным. Казалось, он медленно сдвигает свои кроны-шляпы, собираясь поглотить людей.

— Надо остановиться на ночлег, — сказала Нира. — В темноте идти слишком опасно.

Георгий не возражал. Не имея привычки к долгим переходам, он очень устал. Нира же, судя по её бодрому виду, совсем не нуждалась в отдыхе.

Она повернула сани к берегу. Подойдя к краю реки, собаки, вдруг, скуля, остановились, посматривая на свою хозяйку.

Она несколько секунд смотрела им в глаза, затем выдернула из поклажи длинный деревянный шест (о котором, ещё в начале пути, Георгий спросил: «Зачем он нам? В лесу полно таких палок!», но Нира тогда даже не удостоила его ответом), и молча направилась к берегу. Георгий спросил:

— Что случилось, Нира?

Она промолвила лишь одно слово: «Рты!», и, даже не взглянула в его сторону. Когда Георгий пошёл вслед за нею, она коротко бросила:

— Стой на месте, Жора!

Георгий повиновался. Всё, произошедшее далее, показалось ему кошмаром. Не доходя до берега, Нира стала с усилием вонзать шест в снег впереди себя, как это делают те, кто прокладывает путь по топкому болоту.

Шест вдруг провалился глубоко в снег, и, не имея опоры, Нира с трудом удержалась на ногах. Снег вокруг шеста вдруг резко подбросило вверх воздушным потоком немыслимой силы, а вслед за этим раздался оглушительный рёв, заставивший псов присесть на задние лапы. Нира с поразительной для девушки быстротой отпрыгнула назад. Рёв повторился, и тут вдруг справа и слева от людей взметнулись в воздух снежные столбы. Берег будто бы взорвался. Вопли невидимых чудовищ оглашали окрестности. Люди и собаки отступили назад, к центру реки. Георгий думал, что Нира погонит сани прочь от этого места, но она, похоже, не спешила этого делать. Через несколько минут ужасный шум прекратился так же внезапно, как и начался. Когда снежная пыль осела, Георгий увидел на берегу реки несколько открывшихся ям, отверстие каждой из которых, достигало метра в поперечнике.

— Надо же, — сказала Нира, — целых восемь штук!

Георгий понял, что она говорит о ямах, и спросил:

— Что это?

— Это — Рты. Они живут по берегам рек. Горе тому, кто провалится в такую яму. Это желудок. Он растёт внутрь земли. Животные, которые приходят на водопой и проваливаются в Рот, сразу погибают. Выбраться оттуда нельзя. Рты — ядовиты и глубина их — два человеческих роста. Сейчас они особенно злы, так как зимой для них наступает голодное время. Придётся нам поискать другое место для ночлега.

Они проехали по реке ещё несколько сот метров, прежде чем Нира повернула собак к берегу. На этот раз путь был свободен. Внимательно осмотрев ближайшее дерево, Нира произнесла:

— Ну вот, здесь и заночуем.

Она распрягла собак и они, освободившись от постромок, улеглись прямо на снегу. Георгий наломал сучьев и разжёг костёр. Ниру очень удивляло существование таких простых и обыденных для Георгия вещей, как спички. В Мазергале подобный способ разведения огня был никому неведом. Ещё в хижине Нира попросила показать, как можно самому сделать спички. Георгий ответил тогда, что сам он их сделать не может, что они куплены им в магазине, и Нира расстроилась. Сама она добывала огонь с помощью примитивного кремниевого огнива и трута.

Костер разгорелся, и Нира принялась готовить ужин. Собаки теперь лежали рядом с костром и глотали слюну в ожидании пищи. Их уши находились в постоянном движении, улавливая любой подозрительный шорох в лесной чаще…

Георгий и Нира поужинали, не забыв накормить и собак. Нира начала было расспрашивать Георгия о его стране, но он настолько устал, что был не в состоянии отвечать на какие бы то ни было вопросы.

Следующий день пути прошёл спокойно. Монотонно тянулась перед путешественниками река, петляя между двумя стенами леса. Снежный покров надо льдом стал толще, из-за чего собакам стало труднее тащить сани. Вдобавок, подул встречный ветер, солнце скрылось за облаками, и путешественникам поневоле пришлось двигаться медленнее. В этот день они прошли гораздо меньшее расстояние, чем в предыдущий.

Ночь пролетела быстро. В темноте правда слышалась какая-то возня, то и дело вскрикивала противным гулким голосом невидимая птица, но собаки хранили молчание, показывая этим, что волноваться не о чем.

Утро третьего дня встретило путешественников колючей завывающей вьюгой. Георгий подумал, что они попытаются переждать её, но Нира сказала:

— Разве это ветер? Ты не видел настоящего бурана!

Позавтракав, они продолжили свой нелёгкий путь. Река становилась всё шире и шире. Нира объяснила Георгию, что Ваах находится в устье Баснамы, там, где она впадает в Буйное Море.

— Мимо не проедем, — промолвила она, ободряюще подмигнув Георгию.

Лес неожиданно закончился, уступив место невысоким скалам, а, по существу, беспорядочным нагромождениям серо-красных гранитных валунов причудливой формы.

Ветер остервенело бил прямо в лицо, но Нира и не думала останавливаться. Казалось, прошёл целый день, а не его половина, когда она, наконец, решила устроить привал. Нире удалось отыскать среди камней более-менее защищённое от ветра, укромное местечко.

Вокруг не было ни деревца, ни кустика, так что пришлось на этот раз обойтись без костра. Перекусили всухомятку. Пережёвывая кусок сушеной рыбы, Нира успокаивала Георгия:

— Не волнуйся, Жора, ночевать будем у костра. К вечеру мы должны выйти к лесу.

И снова ветер, заснеженная река и скалы, скалы, скалы… Казалось, им не будет конца. Ноги Георгия ныли от напряжения, лицо «горело» от мелких, впивающихся в кожу, снежинок. Несмотря на это, ему было даже немного жарко. Что говорить, меховые куртка и штаны Грога, огромная шапка-ушанка, тёплые рукавицы… — всё это, показавшееся бы нелепым в городе N, здесь выглядело, напротив, совершенно обыденно. Здесь такая одежда была жизненной необходимостью.

Слева, взору путешественников вскоре открылась ещё одна река — Склянка — приток Баснамы. Нира остановила собак и рукой показала налево:

— Дальше пойдём по Склянке, и, надеюсь, через два дня будем у Лукана.

Они повернули. Склянка оказалась в два раза уже Баснамы и теперь, с обеих сторон, над путешественниками угрожающе нависали каменные громады. Собаки пошли быстрее, беспокойно поводя ушами, и, время от времени, посматривая вверх. Они, несомненно, что-то почувствовали. Сверху послышался звук сыплющихся камней. Георгий посмотрел наверх и

прибавил шаг. Камни катились по правому склону, грозя нанести путникам серьёзные увечья. Георгий заметил, как один крупный валун сдвинулся с места.

— Нира, быстрее, нас сейчас раздавит! — закричал он.

— Гок! Гок! — выкрикнула девушка, подгоняя собак.

Впрочем, в этом не было необходимости. Собаки без понуканий неслись вперёд, увлекая за собой сани. Животные не желали, чтобы их завалило камнями. Страх придал Георгию сил, и он ни на шаг не отставал от саней. Люди и собаки едва увернулись от камнепада и, на всякий случай пробежали вперёд ещё с полсотни метров. Наконец, Нира остановила собак. Георгий оглянулся. В том месте, где только что был валун, чернели силуэты двух людей. Георгий схватил свой арбалет, имея твёрдое намерение подстрелить незнакомцев. Он был уверен в том, что это разбойники.

— Не смей! — Нира вцепилась в его руку, сжимавшую оружие. — Они не хотели причинить нам вреда!

— Не хотели причинить вреда?! — крикнул Георгий в бешенстве. — А кто же, только что, столкнул на нас камень?! Уж не ветер ли?!

— Успокойся, Жора. Я сейчас тебе всё объясню. Это у них вышло случайно. Отдай оружие!

Она обеими руками схватилась за арбалет, чтобы отобрать оружие у своего спутника. Георгий разжал пальцы. Нира положила его арбалет на сани и сказала:

— Жора, это — Горцы. Они такие же люди, как и мы! Они не делают нам зла. Они живут в пещерах, которые, говорят, тянутся под всеми горами и скалами Мазергалы. Они ищут красивые дорогие камни, железо, золото, делают прекрасное оружие. А то, что на нас свалился камень — простая случайность. Наверное, они только что продолбили новый выход из своих пещер. По-моему, они сейчас жалеют о том, что так получилось!

Нира повернулась и приветливо помахала Горцам рукой, давая знать, что всё в порядке. Один из Горцев в ответ тоже махнул рукой. Нира повернулась к Георгию:

— Жаль, что они такие затворники. Они ведь могли бы рассказать много нового и интересного о земле и о горах. Но, увы, при встрече они предпочитают помалкивать и быстро находят повод для того, чтобы скрыться в своих пещерах. Но если Свободный Охотник попадает в беду, Горец всегда поможет ему.

— Как же вы встречаетесь-то? — спросил Георгий. — Ведь, сама говоришь, что они всё время проводят под землёй.

— Они тоже люди, Жора, и тоже хотят есть. Они всё-таки выходят, для того, чтобы выменять у нас мясо на драгоценности и оружие. Охотники из них — так себе… Но, тем не менее, они иногда охотятся, в основном на крупного зверя. Тогда они выходят по двадцать — тридцать человек и долго гонят животное, прежде чем его убить. В таком загоне иногда участвует и Свободный Охотник. Даже я однажды помогала Горцам в этом деле.

«Ох, и удивительная же страна — эта Мазергала! — подумал Георгий. — Сначала меня чуть не угробил Зирх, потом чуть не застрелила Нира, потом эти Рты, а теперь ещё и Горцы, едва не завалившие нас камнями! За эти последние недели я пережил приключений больше, чем за всю свою, относительно спокойную жизнь»!

Георгий и Нира продолжали двигаться вперёд. Скалы вскоре закончились и путешественников вновь обступили Гиблые Леса. Деревья на берегах Склянки оказались ниже, тех, что росли на берегу Баснамы, да и располагались они не так плотно. Здесь Георгий чувствовал себя намного уютнее.

Стадо оленей преградило им путь. Вожак на миг остановился и, гордо вскинув рогатую голову, презрительно посмотрел на чужаков. Похоже, олени совсем не боялись ни людей, ни собак. Когда Георгий сказал об этом Нире, она ответила:

— Зверья здесь столько, что многие из них никогда не видели человека. Они просто ещё не научились нас бояться.

На пятый день пути им пришлось прятаться от Зирха. Собаки вовремя почуяли ужасного орла и свернули под защиту разлапистого леса. Величественная птица парила высоко в небе, высматривая добычу. Вдруг Зирх сложил крылья и камнем полетел вниз. Вскоре, совсем неподалёку, раздался полный звериного отчаяния крик животного, ставшего добычей пернатого хищника. Зирх снова появился в небе, но теперь в его когтях был олень. Орёл летел низко и медленно, тяжело взмахивая крыльями. Как только он скрылся из вида, путешественники вышли из укрытия и вновь пошли вверх по реке.

Глава 6

В середине шестого дня пути (вьюга всё же задержала их), Нира сказала Георгию, не останавливаясь:

— Почти пришли. За следующим поворотом — хижина Лукана.

Георгий уже успел соскучиться по тёплому одеялу и горячему очагу, поэтому он очень обрадовался этой новости и ускорил шаг.

Хижина Лукана находилась недалеко от берега, на склоне поросшего лесом холма. Это жилище по размеру было больше хижины Ниры, а в остальном — всё то же самое. Тот же частокол, те же массивные ворота. Во дворе виднелись крыши хозяйственных построек, очевидно, это были загоны для скота, кладовая и сарай для собак. Уныло, зато практично.

Ворота приоткрылись и из образовавшейся щели выбежали четыре пса. Двое из них помчались навстречу путешественникам, а двое — остались у ворот. Два бегущих пса остановились метрах в пяти от упряжки, подозрительно принюхиваясь. Собаки Ниры, не издав ни единого звука, настороженно разглядывали сородичей.

Псы Лукана развернулись и побежали обратно к воротам. В этот момент показался и сам хозяин. Он немного помедлил, рассматривая гостей, а потом двинулся им навстречу.

Это был мужчина, лет шестидесяти, крупный, высокий, бородатый. Седые пряди его длинных волос торчали из-под меховой шапки такого же покроя, как и у Георгия и Ниры. Если бы половина лица Лукана не была закрыта чёрной тканью с прорезью для глаза, Георгий подумал бы, что перед ним — весёлый Дед Мороз, настолько приветливо улыбалась открытая половина его физиономии. Лукан подошёл к Нире и обнял её.

— Здравствуй, Нира! Извини, что не вышел сразу, а послал собак. Они сказали мне, что с тобой чужой человек и что ты ему доверяешь, а я попросил их подойти к вам поближе, да послушать получше. Псы сказали, что незнакомец — порядочный человек. Им надо верить. Если не им, то кому же?!

Лукан протянул Георгию руку.

— Будем знакомы — Лукан!

— А я — Жора, — произнёс Георгий, пожимая руку Лукана. — Очень рад.

— Это хорошо. А где отец, Нира? Где Грог? Неужели заболел и отправил этого молодого человека вместо себя? — Лукан указал пальцем на Георгия.

Нира тяжело вздохнула и опустила глаза. Лукан, как показалось Георгию, сразу всё понял.

— Ничего не говори, дочка… Пойдёмте все в дом!

Лукан взял за постромки упряжку Ниры и её собаки покорно втащили упряжку во двор. Георгий и Нира вошли следом. Девушка вдруг зарыдала, из глаз её ручьями полились слёзы. Георгий осторожно обнял её за плечи. «Пусть поплачет, ей станет легче, — думал он. — Даже тогда, когда она узнала, что её отец погиб, то не пролила ни слезинки. Сильная девушка».

Георгий всё больше и больше проникался уважением к Нире. В силе и стойкости духа она вполне могла соперничать с мужчинами. И при этом она оставалась обаятельной, чуткой девушкой.

Лукан, Нира и Георгий вошли в хижину, скинули с плеч тяжёлые куртки и уселись у очага. Нира отвернулась в сторону для того, чтобы Георгий не мог видеть её зарёванного лица.

Убранство хижины Лукана оказалось более чем спартанским. Громоздкий деревянный топчан служил этому человеку кроватью. Поверхность некрашеного стола, стоявшего рядом с очагом, была чисто выскоблена. В хижине пахло рыбой и сосновой смолой. Внимание Георгия приковала одна деталь. На стене, у окна, висела картина, на которой был изображён морской пейзаж. Картина была очень хорошо написана, от неё, казалось, исходил мягкий голубой свет.

Это было побережье спокойного летнего моря, каким оно бывает ранним утром. Одинокая лодка с рыбаком, вынимающим сети, покачивалась на волнах, а вдалеке гордо возвышалась над морскими просторами скала, будто бы убежавшая от своих береговых собратьев… Георгий долго не мог отвести взгляд от этой чудесной картины.

— Нравится она тебе, Жора? — спросил Лукан.

— Кто?

— Не кто, а что. Картина, конечно! А ты думал, я о Нире говорю?! — усмехнулся Лукан. Георгий смутился:

— Картина нравится, а Нира — тем более.

Голос Лукана вдруг изменился:

— Жора, Нира не для тебя. У тебя есть женщина. Меня, старого моряка-охотника, не обманешь. Я дам тебе совет — не лезь к ней. Вы — не пара. Понял меня?

Георгию стало стыдно и обидно за себя, одновременно. Его «душу» видели здесь насквозь, как «облупленную», а он не мог возразить ни слова. Потому, что всё, сказанное Луканом, было правдой.

— Понял. Хорошо понял, — ответил Георгий.

— Я знаю, — коротко бросил Лукан и, всплеснув руками, воскликнул:

— Вы же с дороги, а я вас байками кормлю! У меня как раз обед готов. Я сегодня и завтрак, и обед на троих готовил. Знал, что вы приедете.

— Откуда вы знали? — спросил Георгий.

— Интуиция, сынок, интуиция! Так, по-моему, это звучит? Мне, про неё, родимую, Грозник рассказывал и слово это он мне назвал. Правильно я выговариваю-то его, Нира?

Девушка, уже переставшая плакать, откликнулась:

— Правильно, правильно.

Все трое уселись за стол. Мясо Зирха и рыба порядком поднадоели Георгию за последние недели, поэтому он несказанно обрадовался, когда увидел в большом котелке до боли знакомую варёную картошку в «мундире».

— Боже мой, картофель! — восхищённо воскликнул Георгий.

— Это, Жора, не какой-то там «рель», а татаб, — поучительным тоном промолвил Лукан.

Георгий не возражал, отчасти из-за того, что рот его был уже занят пережёвыванием картофеля — татаба. Он и представить себе не мог, что с таким аппетитом, прямо-таки с наслаждением, будет поедать эти невзрачные клубни. Даже жаркое из оленины, приправленное ароматными травами, не было таким вкусным для него в тот момент, как эта удивительная картошка.

Когда Георгий, насытившись, отодвинулся от стола и, сложив руки на животе, удовлетворённо вздохнул, Лукан пристально посмотрел на него и произнёс:

— Ну, что ж, пожалуй, можно…

Охотник встал, подошел к висящему на стене шкафчику и достал оттуда стеклянную бутыль с прозрачной жидкостью. Оттуда же он извлёк и две глиняных кружки.

— Мы, с Грогом, всегда при встрече выпивали по кружке «весёлки». Выпей и ты со мной, Жора. Вместо него. Только молча.

Он наполнил доверху обе кружки жидкостью из бутыли и одну из них протянул гостю. Потом поставил бутыль обратно в шкафчик, закрыл его и сел за стол, напротив Георгия. Новоиспечённые знакомые выпили. Георгий закашлялся.

— Ух, как же крепко-то! — вырвалось у него. В кружке оказался «ядрёный» самогон.

Лукан, пропустив его слова мимо ушей, спросил у Ниры:

— Как умер твой отец?

— Его убила птица Зирх. Она свила гнездо неподалёку от нас, и отец угодил в её лапы, — грустно ответила Нира.

— Достойная смерть для Свободного Охотника… — тихо промолвил Лукан. Глядя на его лицо, можно было подумать, что он издевается. Улыбка не сходила с его губ.

Нира продолжила:

— Жора убил эту самую птицу и трёх её птенцов. Убил саблей отца. Её он нашёл в гнезде. Когда я увидела Жору с саблей в руке, я подумала: «Это убийца Грога!», и чуть не застрелила его насмерть из своего арбалета. К счастью, я промахнулась. Я тогда не послушала собак…

— Сколько раз мы, с твоим отцом повторяли тебе — прежде, чем стрелять, послушай, что скажут собаки! Упрямая девчонка! — с упрёком воскликнул Лукан.

Посмотрев на Георгия, он спросил:

— Ты и вправду в одиночку расправился с Зирхом?

— Да, — ответил тот. — Но всё вышло случайно. Эта птица долбанула меня клювом, как следует. Потом схватила. Ну, а когда она бросила меня в гнездо, я нашел там саблю и зарубил всё семейство.

Лукан покачал головой:

— На моей памяти такого ещё не было, чтобы кто-нибудь, в одиночку, справился с Зирхом. На такую охоту выходят пятнадцать-двадцать человек, да ещё перед этим строят ловушку. Два дня строят… Что ж, ты достоин называться Свободным Охотником!

— Благодарю. Польщён, — ответил Георгий, второй раз, за сегодняшний день, пожимая протянутую Луканом, большую ладонь. Только на этот раз рукопожатие хозяина было более сердечным.

Лукан достал из кармана курительную трубку и стал набивать её какой-то желтоватой травой. Георгий почувствовал запах табака, и рот его наполнился слюной. Он не вдыхал табачного дыма уже недели две, с тех пор как закончились сигареты, потому спросил Лукана, нет ли у того ещё одной трубки. Лукан удивлённо произнёс:

— Не думал, что ты куришь! Свободные Охотники обычно не притрагиваются к «брэку». Считают его ядовитым. Ха — ха! Но я, моряк, знаю, какое это блаженство — выкурить трубочку хорошего «брэка» после сытного обеда!

Георгий сразу же догадался что «брэком» мазергалийцы называют обыкновенный табак.

Лукан, не вставая из-за стола, дотянулся рукой до полки, и, пошарив там, подал Георгию небольшую глиняную трубку. Георгий торопливо набил её жёлтой травой из кисета Лукана, и, подхватив из очага уголёк, закурил. Табак оказался довольно ароматным и крепким.

От выпитой «весёлки» и от табачного дыма он почувствовал приятное головокружение, комната перед глазами поплыла куда-то влево, и Георгий едва не свалился со стула. Ему безумно захотелось лечь. Но уже через несколько минут головокружение прошло, и он был в состоянии слушать рассказы Лукана о дальних островах и удивительных странах. Георгий, в свою очередь, рассказал ему о том, как попал в Мазергалу. Лукан молча выслушал, но, видимо, не очень-то поверил гостю, потому как не стал расспрашивать о подробностях.

Через некоторое время, Георгий, посмотрев на Ниру, увидел, что она безмятежно спит, уронив голову на ладони. Он посмотрел на Лукана и спросил:

— Может, перенесем её на кровать?

Тот согласился, и они вместе аккуратно положили Ниру на топчан Лукана. Видимо девушка очень утомилась, потому что даже не шевельнулась во сне, когда они подняли её. Лукан произнёс:

— Уже стемнело. Пора и нам на «боковую».

Он принёс два больших одеяла и расстелил их прямо на полу. В хижине было жарко натоплено, поэтому Георгий не стал ничем накрываться. Лукан улёгся на второе одеяло и вскоре захрапел. Поворочавшись немного, Георгий тоже уснул. Снилась ему бранящаяся жена: «Где ты так долго пропадал? Вечно ты действуешь мне на нервы! И зачем я вышла за тебя замуж?!». Она не давала покоя Георгию даже во сне…

***

Весь следующий день Георгий и Нира были заняты тем, что помогали Лукану собираться в дорогу. У Криволицего было две упряжки и, соответственно, пушнины тоже в два раза больше. В этом году он хорошо поохотился. Георгий спросил его, между делом:

— Слушайте, Лукан, а что же вы будете делать с этими санями, после того, как продадите шкурки? Ведь к тому времени снег уже растает, а сани по голой земле не протащить.

— Ха! — усмехнулся Лукан. — По голой земле… Полозья саней делают из «каменного» дерева! Их не то, что по земле, по камням можно тащить очень долго! И, потом, зима в Гиблых Лесах длится о-очень долго и обратно я, да поможет мне Рум (У жителей Мазергалы была своя, примитивная религия. Основными «столпами» её были бог Рум и богиня Фрида. Однако до умопомрачения им здесь не молились и частенько их имена употребляли в сочетании с «крепкими словечками». Об этом Георгию рассказал Лукан. — Примечание автора)., вернусь этим же путём, по реке. Лёд к тому времени, конечно, подтает, но держать будет.

Георгий, между делом рассказывал Лукану о России, но этот рассказ не произвёл на охотника желаемого впечатления. Криволицый лишь коротко бросил в ответ, что «всякое бывает». Георгия сначала это несколько расстроило, но потом он сказал самому себе: «Жора, какая разница — верит он тебе или не верит. Главное сейчас — добраться до Вааха и разыскать этого волшебника — Грозника!»

***

Когда все приготовления к долгой дороге были закончены, Лукан, раскуривая трубку, произнёс:

— Вот и всё. Завтра тронемся в путь. Пойдём, как всегда, вниз по Склянке, а потом по Баснаме, до самого Вааха. Некоторые охотники, наверное, уже в пути, и нам надо поднапрячься, чтобы не отстать от них.

Наступила ночь. Георгий лежал на спине и слушал, как зимняя вьюга беснуется за окном хижины. Ему не спалось, в голову лезли одна за другой, мрачные мысли.

Внезапно, сквозь шум ветра, до его слуха донёсся протяжный глухой вой. Георгий, затаив дыхание, прислушался. Вой повторился. Георгий толкнул в бок Лукана. Тот сразу же проснулся:

— Ну, что ещё?

— Послушайте…

Вновь раздался вой, полный тоски и звериной ярости.

— А-а-а… — недовольно протянул Лукан. — Не обращай внимания. Это волки. Спи. Им сюда не пробраться.

Он повернулся спиной к Георгию и снова заснул, а гостю, однако стоило больших усилий заставить себя успокоиться. «Легко ему говорить…", — вздохнул Георгий, засыпая…

Когда утром Георгий спросил Лукана, почему тот был так спокоен, Лукан ответил ему:

— Если бы волки подошли слишком близко, мои собаки подняли бы такой шум, от которого даже мёртвый бы проснулся! А раз они молчали, то и нам волноваться было не о чем! Привыкай, Жора!

Георгий пожал плечами и произнёс:

— Постараюсь.

Позавтракав, все трое вышли во двор. Лукан с Нирой стали запрягать собак в сани. Георгию же (который ничего не понимал в этом деле) ничего не оставалось делать, как просто-напросто наблюдать за этим процессом, попыхивая трубкой, подаренной Луканом. Нира с Криволицым вполголоса переговаривались, время от времени поглядывая на Георгия. После недолгой паузы Нира что-то сказала Лукану, и тот, кивнув в ответ, отошёл от собак и направился к гостю. Подойдя, он сказал, пристально глядя Георгию прямо в глаза:

— Мне Нира сказала, что ты не в меру горяч. Ты хотел даже застрелить Горца. Так вот, предупреждаю тебя, сынок, никогда не хватайся за оружие без причины. В дороге это может нам сильно навредить. Только если увидишь, что Нира или я собираемся принять бой, тогда конечно можно… Даже нужно! Мы, Свободные Охотники, никогда не нападаем первыми, мы не разбойники какие-нибудь. Запомни это, сынок.

Георгия разозлили и возмутили слова Лукана, но вида он не подал. Он лишь подумал: «Нигде нет покоя от этих стариков! Учат и учат!». Вслух же он промолвил:

— Хорошо, я так и сделаю.

— Вот и ладно, сынок. Вот и ладно.

Глава 7

Наконец, все три упряжки были готовы к походу, и маленький обоз выехал из двора. Лукан, закрыв за собой ворота, рукой описал в воздухе круг и произнёс:

— Помоги нам Рум добраться до Вааха целыми и невредимыми! И собак тоже сохрани. Ну, поехали! Гок! Гок!

Путешественники выехали на середину Склянки и бодро пошли вниз по реке, оставляя позади себя шлейф из кружащихся в воздухе снежинок. Лукан шёл первым, Георгий — вторым, Нира же замыкала это шествие. Помня её наставления, которые она давала ему ещё во время первого перехода, Георгий был начеку, готовый в любой момент достойно встретить опасность.

Глядя на идущего впереди Лукана, он думал: «Лукан уже почти старик, а сильнее меня раза в два будет». В его присутствии Георгий чувствовал себя намного спокойнее, чем вдвоём с Нирой. По крайней мере, их теперь было трое, да шесть собак, а это, в Гиблых Лесах, кое-что, да значило…

***

И вновь скрип снега под полозьями лыж, массивные деревья справа и слева, нескончаемая дорога-река, да шумное дыхание собак окружали Георгия, не давая ни на секунду усомниться в реальности происходящего.

Через два дня показались скалы, на которых Георгий впервые увидел Горцев. Собакам, да и людям тоже, не нравилось это место, слишком уж близко скалы подступали к ним. Вечером этого же дня они выехали на Баснаму. Держась середины реки, собаки, с похвальным усердием тянули нагруженные сани. Быстро темнело, но Лукан и не думал останавливаться. Георгий догнал его и спросил:

— Мы что, всю ночь будем идти? По-моему, надо отдохнуть.

Лукан, взмахом руки, указал ему на берег.

— Покуда не пройдём скалы, останавливаться на ночлег нельзя! Опасно. Не суетись, сынок, скоро начнётся лес, тогда и остановимся!

Георгий вернулся на своё место. Что и говорить, Лукан, лучше его знал эти места, потому Георгий не обиделся, а лишь тихо сказал:

— Что ж, придётся поднапрячься…

Однако, прежде чем показались первые деревья, прошла, наверное, добрая половина ночи. Измождённые путешественники разожгли костёр, быстро поели и вскоре заснули, как убитые.

Утро следующего дня началось как обычно. Первым проснулся Лукан и растолкал Георгия с Нирой, приговаривая:

— Просыпайтесь же, сони! Время не ждёт!

Георгий с трудом разомкнул веки, потянулся, выкарабкался из-под толщи тёплых шкур, сел у костра и, набив свою трубку табаком, закурил. Лукан поворачивал укреплённый над костром вертел с насаженным на него аппетитным куском мяса. Криволицый снял со своего пояса фляжку и протянул её Георгию.

— На-ка, хлебни. Это тебя взбодрит.

Георгий сделал несколько глотков «весёлки» и вернул фляжку Лукану.

— Спасибо. Весьма кстати, — поблагодарил Георгий и почувствовал, как быстро «разгорается» аппетит.

Когда жаркое было готово, Лукан, разделив мясо на три части, протянул Георгию и Нире по большому куску. Мясо на вкус оказалось восхитительным, хотя и было немного жестковатым.

— Придётся нам, ребята, идти быстрее, — сказал Лукан, вытирая жирные пальцы прямо о куртку. — Не знаю, как твои, Нира, а мои собаки ещё вчера почуяли впереди людей. Наверняка, это Свободные Охотники. Если сегодня они остановятся на ночлег пораньше, то мы уже этой ночью будем сидеть вместе с ними у костра.

Нира кивнула.

— Я знаю об этом, Лукан.

Он удивлённо спросил:

— А почему же ты не сказала об этом вчера?

— Я думала, что ты заставишь нас идти всю ночь! А я и так очень устала. Не забывай, Лукан, я же всё-таки девушка! И в силе мне с тобой не сравниться! — ответила Нира, укоризненно посмотрев на Криволицего.

— Да нет же, Нира! Разве я заставил бы вас идти всю ночь?! Никогда! — воскликнул он, оправдываясь, и немного помолчав, добавил:

— А ты хорошо уже научилась слушать своих псов. Я рад за тебя. Из тебя вышел отличный Свободный Охотник… Вернее, Свободная Охотница.

С этими словами Лукан встал и принялся запрягать в сани собак, которые уже расправились с вяленой рыбой и, сытые, устроили между собою беспорядочную возню.

Георгий проверил, крепко ли держится поклажа на санях, в частности небольшой мешок со своей «земной» одеждой и записями Забредягина (их он более всего боялся потерять) и, укрепив свой арбалет, как следует, поверх тюков, сказал:

— Я готов!

Нира с Луканом уже уложили все вещи, которые доставали для привала, и Лукан произнёс:

— Ну что ж, если готов, сынок, то и поехали, Рум нас храни! Гок!

Не отдохнувшие как следует собаки, на этот раз нехотя сдвинули сани, и пошли шагом.

— Ну, давайте, ребятки, напрягитесь! Будет вам отдых, будет! — взмолился Лукан.

Нира в свою очередь тоже что-то сказала своим псам на непонятном Георгию языке. Ему показалось даже, что собаки тяжело вздохнули, но, тем не менее, пошли быстрее. Георгий и сам чувствовал, что ещё часа три-четыре поспать совсем не мешало бы, но он не имел привычки ныть, тем более что был шанс присоединиться к идущей впереди группе людей. Эта весть обрадовала его, потому что при таком долгом переходе ни один человек не бывает лишним. В этом Георгий уже убедился на собственном опыте.

Они отошли от места своей последней стоянки совсем немного, когда Георгий заметил, что собаки вдруг забеспокоились и стали часто оглядываться назад, жалобно поскуливая. При этом они почти перешли на бег.

— Жора, Нира, беда! Собаки почуяли Полосу Дождя! — закричал Лукан. — Быстрее, ребята, быстрее! О, Рум, спаси нас от этой напасти! Гок! Гок! Гок!

Георгий не понял, в чём заключалась причина беспокойства Криволицего, но, чтобы не сбить дыхания, не стал задавать вопросов. Если собаки так боятся этой «полосы дождя» и бегут от неё, следовательно, и ему она тоже ничего хорошего не принесёт. Вместе с тем Георгию сделалось чрезвычайно любопытно. В словосочетании «полоса дождя» он не находил ничего страшного. О, если бы он знал тогда, что это такое, то бежал бы гораздо быстрее!

Георгий оглянулся и посмотрел на Ниру. Она бежала следом за ним, тяжело дыша. По выражению её лица он понял, что «полоса дождя» — это серьёзная проблема.

Путешественники двигались в сумасшедшем темпе около часа, а потом Георгий почувствовал, что силы постепенно покидают его. Ноги болели, дыхание сбилось, пот ручьями стекал по спине и по лицу. Георгий хотел крикнуть Лукану, чтобы тот бежал помедленнее, но, на его счастье Лукан вдруг сам, неожиданно, перешёл на шаг. Несколько сот метров они шли не спеша, а потом возобновили бег. Георгию показалось, что так будет продолжаться до беско-

нечности, или вернее до тех пор, пока он не потеряет сознание, но тут, неожиданно произошло нечто такое, что заставило путешественников остановиться.

Сильнейший удар грома, такой ненужный и нелепый в это время года, в одну секунду «разрубил» видимое спокойствие Гиблых Лесов. Небо заметно потемнело, и подул очень тёплый ветер. Невероятно, но снег, прямо на глазах, начал таять. Грянуло ещё несколько громовых раскатов, один вслед за другим, словно пушечная канонада, и Лукан закричал:

— Ну, что встали?! Бегом! Бегом!

Выйдя из оцепенения, Георгий рванулся вслед за ним. Однако после нескольких шагов ему стало понятно, что он не может больше двигаться с такой скоростью, как раньше. Дело в том, что снег налипал на полозья лыж и саней большими комьями, но Лукан, не смотря ни на что, изо всех сил старался не сбавлять хода. Георгий посмотрел назад. Нира, точно так же, поминутно увязала в липком снегу.

Раздался ещё один удар грома, и над кронами деревьев сверкнула молния. «Что за чертовщина? — со злостью подумал Георгий. — Лукан ведь убеждал меня, что зима продлиться ещё три месяца! А здесь, пожалуйста, настоящая весна! Вот уж, поистине, «гром среди ясного неба!».

Краем глаза Георгий вдруг заметил впереди, среди деревьев, какое-то движение. Он пригляделся. Около огромного камня, шагах в пятидесяти от берега, без сомнения, копошились люди. Он окликнул Лукана:

— Эй, Лукан, гляньте-ка направо! По-моему, в лесу кто-то есть!

Лукан остановился и посмотрел туда, куда указывал Георгий, потом повернулся к друзьям и сказал:

— Вы постойте здесь, а я подойду поближе.

Он дошёл до берега и вошёл в лес, шаг за шагом приближаясь к подозрительным людям. «Не может быть такого, чтобы они нас не заметили, — подумал Георгий. — Тут что-то не так».

Лукан спрятался за дерево, наблюдая за перемещениями незнакомцев. Георгию и Нире, оставшимся на середине реки, не удавалось как следует разглядеть, чем именно были заняты эти люди.

Вдруг Лукан, с неожиданной решимостью, вышел из-за дерева и, не прячась, направился прямо к камню. От группы незнакомцев отделился один человек. Он сделал пару шагов навстречу Лукану и, в ожидании, остановился.

Георгий заволновался и, на всякий случай взял в руки арбалет. Он был готов прицелиться и выстрелить при малейшем подозрении на то, что Лукану грозит опасность. Однако ему не пришлось этого делать.

Лукан и незнакомец постояли немного друг напротив друга и, перекинувшись несколькими словами, разошлись в разные стороны. Странный человек пошел обратно к камню, Лукан же возвращался к саням. Георгия съедало любопытство. Ему хотелось знать, о чём же они говорили. Похоже, Лукан ничуть не боялся незнакомца.

— Жора, Нира! — крикнул Криволицый, не доходя до саней. — Ступайте за мной! Ничего не бойтесь! Это Горцы!

Собаки тронулись с места, и пошли за Луканом. Георгий положил свой арбалет обратно, на сани. Нира, поравнявшись с Георгием, сказала:

— Хорошо, что ты заметил Горцев, Жора. Теперь мы сможем укрыться от Полосы Дождя в их пещерах.

— А почему собаки не заметили их раньше меня? Ещё немного, и мы прошли бы мимо.

— Такое бывает, — ответила Нира. — Во время грозы они перестают слышать мысли людей.

— Но запах Горцев они должны были почувствовать?

— Должны, да не почувствовали. Горцы оказались с подветренной стороны.

Путешественники подошли вплотную к камню. Горцы, даже не взглянув на них, продолжали заниматься своим делом. С помощью верёвок и шестов они пытались пододвинуть камень к чёрному зеву пещеры, чтобы, тем самым наглухо закрыть вход. Было их человек десять.

До этого Георгий видел Горцев только издали, на Склянке, когда хотел выстрелить в одного из них. Теперь у него появилась возможность рассмотреть их как следует. Они оказались самыми обыкновенными людьми, только ростом гораздо ниже среднего. Все, как один, Горцы имели чумазые угрюмые лица и худощавое телосложение. «Как шахтёры, — подумал Георгий. — Только касок с фонарями не хватает»!

Действительно, одеты были Горцы в короткие одинаковые чёрные куртки и просторные штаны из грубой ткани. Головы их казались лысыми из-за плотно облегающих кожаных шлемов. Эти головные уборы были похожи на шлемы первых авиаторов начала прошлого века.

Две собаки, волоча тяжёлые сани, вошли вместе с Луканом в пещеру. Вскоре Лукан вышел оттуда с тем, чтобы провести и вторую упряжку, но, не успел он взяться за постромки, как один из Горцев, издав сдавленный крик и судорожно хватаясь за уступы валуна, стал медленно оседать на землю. Он упал лицом вниз и все увидели длинную стрелу, вонзившуюся ему в спину, между лопаток.

Нира тотчас же бросилась в снег, увлекая за собой Георгия. Один из Горцев подполз к убитому и, осмотрев его, промолвил:

— Он мёртв. Это стрела разбойника! Надо послать за подмогой!

Повернувшись к товарищу, лежащему чуть поодаль, он приказал:

— Ну-ка, Спот, беги к Крону! Пусть соберет людей и поспешит, а не то нам всем крышка! Если не разбойники, то Полоса Дождя уж точно прикончит всех нас!

Спот повиновался. Было видно, что он самый молодой в отряде Горцев, а потому, естественно, и исполняет роль «мальчика на побегушках».

Две упряжки Свободных Охотников оказались на открытом месте и собаки, почувствовав опасность, залегли за санями. Георгий и Нира лежали за камнем. Лукан укрылся за деревом, а Горцы быстро ретировались к пещере.

Арбалет Георгия остался на санях. Из своего укрытия он отлично видел его, но, чтобы добраться до саней, нужно было пройти шагов десять по открытому месту. Перспектива быть подстреленным Георгия не радовала.

Нира оказалась умнее его. Она держала своё оружие в руках, готовая к бою. Лукан тоже был вооружён.

«Эх, сплоховал я! Рано расслабился! Не надо было выпускать арбалет из рук»! — с досадой подумал Георгий и попытался выглянуть из-за камня.

Враги находились выше по склону пологой горы. Стрела, просвистевшая у Георгия прямо «под носом», была тому веским доказательством. Он вернулся на прежнее место и спросил у Ниры с отчаянием в голосе:

— Что же теперь делать-то? Мой арбалет остался на санях.

— Попробую подозвать собак, — ответила Нира.

Несколько мгновений она сидела молча, видимо, мысленно стараясь воздействовать на псов, а потом промолвила:

— Собаки боятся выйти из-за саней. Они не хотят быть убитыми.

Тем временем ещё один Горец, опрометчиво высунувший голову из укрытия, упал, сраженный стрелой разбойника, застрявшей в его горле.

— Эх, если бы удалось обрезать постромки! — воскликнула Нира. — Собаки нам здорово помогли б, а так они всё равно, что связанные.

Наблюдая за псами, Георгий заметил, что они изо всех сил пытались перегрызть крепкие путы. И тут он решил рискнуть. «Попытка — не пытка! — сказал он самому себе и, вытащив

из-за спины саблю Грога, выпрыгнул из-за валуна и побежал, пригибаясь к земле, прямо к саням.

Град стрел обрушился на него. До саней оставалось два шага, когда он, выставив перед собой руки, прыгнул. Ни одна из стрел разбойников не попала в цель. Всё ещё не веря в то, что жив, Георгий, тяжело дыша, привалился плечом к поклаже. Он почувствовал, как три стрелы, одна за другой, с глухим стуком вонзились за его спиной в гружёные сани.

Разрезав саблей постромки, он освободил Дико и Морга. Собаки, тотчас же, огромными прыжками, побежали к своей хозяйке. Георгий ощупью нашёл арбалет, лежащий поверх поклажи, и, осторожно, подтянул его к себе. Теперь у него было оружие.

Он не забыл и о своём мешке с драгоценными документами. Разрезав ремень, крепящий его к саням, он стащил мешок и бросил его на снег. Развязав его, Георгий достал оттуда свёрток с папкой Забредягина и своим паспортом, и, расстегнув куртку, надежно привязал свёрток к груди обрезком верёвки, моток которой свалился с саней вместе с мешком. Застегнув куртку, Георгий подумал: «Пожалуй, эту верёвку надо взять с собой. А вот „земная“ одежда мне ни к чему. Лишний груз».

Он огляделся. Вторая упряжка находилась на расстоянии одного прыжка и Георгий, не медля, перебрался к ней. Освободив собак Лукана, он осторожно выглянул из-за саней.

Шестеро разбойников, перебегая от дерева к дереву, приближались к пещере. Видимо, бандиты тоже хотели укрыться под землёй от надвигавшейся Полосы Дождя, и решили, во что бы то ни стало, перебить всех людей или заставить их сдаться.

Георгий увидел, как Нира выпустила стрелу в одного из разбойников, но промахнулась. Георгий лёг и прицелился в бандита, который оказался к нему ближе других. Дождавшись того момента, когда разбойник, в очередной раз выскочил из-за дерева, Георгий нажал на курок. Короткая смертоносная стрела поразила разбойника в грудь. Видя искажённое от боли лицо противника, Георгий ужаснулся: «Боже мой, я впервые убил человека!». Но так уж была устроена жизнь в Мазергале. Либо убиваешь ты, либо тебя…

Тем временем, два пса Лукана, освобождённые Георгием от постромок, припадая к земле, выпрыгнули из-за саней и помчались в лес. На первый взгляд могло показаться, что они решили спастись бегством, оставив людей на произвол судьбы, но это было не так.

В этот момент и Нира выпустила своих собак. Дико и Мерг, держась чуть поодаль друг от друга, стали обходить разбойников справа, стремясь зайти сзади и после этого напасть на них, а две собаки Лукана проделывали точно такой же манёвр слева. Внимание врагов рассеялось, и это обстоятельство дало обороняющимся возможность действовать решительнее.

Вложив стрелу в арбалет, Георгий выглянул из своего укрытия и увидел, как одна из собак Лукана, близко подобравшись к одному из разбойников, бросилась на него, но промахнулась. Тот, отпрянув, оказался на открытом месте и, молниеносно натянув тетиву своего большого лука, выпустил стрелу. Собака свалилась замертво, заливая снег ярко-красной кровью. Георгий выстрелил в убийцу, но его стрела вонзилась уже в труп. Нира с Луканом оказались проворнее.

Оставшиеся четыре разбойника, отстреливались от окружавших их собак. Из пещеры выбежали те два пса, которых Лукан завёл вместе с санями ещё до нападения разбойников. Горцы догадались освободить этих собак от ремней. Псы немедленно бросились на помощь своим собратьям.

Георгий увидел, как Нира выбежала из-за камня и короткими перебежками от дерева к дереву стала приближаться к разбойникам. То же самое делал и Лукан. Георгий, следуя их примеру, выскочил из-за саней и побежал к ближайшему дереву. Оценив расстояние до следующего, он, в три прыжка, достиг и его.

Разбойники, оказавшись в полукольце окружения, уже не прятались. Они убегали, петляя между деревьями. Ещё одного из них, низенького и бородатого, настигла собака. Бедняга не успел даже вскрикнуть. Пёс мощными челюстями раздавил ему горло.

Враг бежал, и радость победы заставила оборонявшихся людей забыть о другой, не менее грозной опасности — Полосе Дождя. Собаки уже скрылись из вида, продолжая погоню, когда внезапно, вновь раздался сильнейший удар грома, а, приутихший было ветер, подул с новой силой. Нира и Лукан остановились. Георгий подбежал к ним.

— Скорее, в пещеру! О, Рум, мы все погибнем! — закричал Лукан.

От набежавших туч стало совсем темно. Люди бросились бежать вниз, к пещере, по склону лесистой горы. Георгий споткнулся, но Нира быстро подхватила его за руку.

— Вставай! Вставай! Не время падать, Жора!

Георгий «разбил» колено, но, стиснув зубы и превозмогая боль, встал и побежал, не отставая от своих друзей.

Они подбежали к входу в пещеру. Горцы не теряли времени даром. Для того, чтобы надежно закрыть пещеру, им оставалось сдвинуть камень всего на полшага. Человек двадцать остервенело толкали огромный валун плечами, палками, руками… Когда Лукан присоединился к ним, старший из Горцев крикнул:

— Нет, нет! Идите внутрь, мы сами справимся! Успеем!

Но Лукан не слушал его. Подхватив валявшийся рядом крепкий сук, он использовал его в качестве рычага. Сквозь рёв урагана до слуха Георгия донёсся его крик:

— Жора, Нира, что стоите?! Спасайтесь! Скройтесь в пещере!

Свободного места вокруг камня уже не было, люди облепили его со всех сторон, потому Нира, а вслед за нею и Георгий, скрылись в мрачном брюхе подземелья.

Георгий чувствовал себя предателем. «Мне надо было остаться с Луканом. Нельзя же, в самом деле, бросить его! По-свински, как-то, получается», — подумал он и, резко развернувшись, решительно пошёл обратно.

— Стой! — раздался рядом хриплый грубый голос и, вслед за этим, чья-то сильная рука схватила Георгия за плечо. — Там и так много народа. Ты будешь только мешать!

Георгий остановился. В кромешной тьме он не мог рассмотреть лица говорившего человека. Рука отпустила его, затем послышалось непонятное скрежетание и, перед лицом Георгия, чуть не опалив ему брови, вспыхнул факел.

— Вот так-то лучше. Пойдёмте со мной, — промолвил обладатель грубого голоса, оказавшийся пожилым седым Горцем. — Нам здесь больше делать нечего.

При свете факела лицо Горца показалось Георгию зловещим.

— А как же они?! — Георгий указал пальцем в сторону входа. — Мы дадим им погибнуть?

— Нет. Кх — кх… — закашлялся Горец. — Здесь, рядом, есть ещё один вход. Там у нас каменная дверь. Она закрывается изнутри. Мы откроем её, а они задвинут этот камень, обойдут гору и войдут в пещеры через эту вторую дверь. А вот отсюда лучше убраться.

Он повернулся к гостям спиною и зашагал прочь, в глубину катакомб. Георгию и Нире ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

Позади раздалось гулкое «бух!» и Горец-поводырь не останавливаясь, буркнул:

— Ну, вот, и слава Руму, камень на месте.

— Страшный ураган, Жора, — сказала Нира. — Такого я никогда не видела. Слышишь треск? — она подняла вверх указательный палец. — Наверное, наверху ломаются деревья!

Георгий прислушался. Звуки, проникавшие сквозь толщу земли, были похожи на скрежетание когтей какого-то невиданного огромного зверя.

— Сколько живу, а такой быстрой Полосы Дождя ещё не было на моей памяти, — пробасил Горец, — Как там наши? — прибавил он с тревогой в голосе и вдруг остановился, вслушиваясь. — Наверху, похоже, ветер камни выворачивает!

Георгий и Нира слышали лишь монотонный гул и ничего более.

— Да! Это камни! — сказал Горец и сокрушённо покачал головой. — Плохо дело! Совсем плохо!

Горец вновь зашагал вперёд. Пещера между тем стала просторнее, стены раздвинулись, и свет факела уже не достигал потолка.

Вскоре все трое вышли на небольшую площадку. Здесь сходились несколько тоннелей. Горец свернул в крайний правый. Это был довольно узкий проход, где люди могли двигаться лишь гуськом, друг за другом.

Тоннель превратился в ведущую наверх лестницу. Крутым ступеням, вырубленным в скале, казалось, не будет конца.

Нира повернулась к Георгию, который шёл последним, и сказала:

— Не отставай, Жора! Что-то ты совсем расклеился. Нога болит?

— Колено! Чёрт, я, похоже, сильно разбил его!

— Давай руку! — Нира взяла Георгия за руку и крикнула провожатому:

— Эй, помедленнее, мой друг ранен!

Горец обернулся, и Георгию показалось, что этот человек усмехнулся.

— Чему тут ухмыляться?! — крикнул Георгий, разозлившись. — Вас бы на моё место!

Горец в ответ промолчал, однако, вняв просьбе Ниры, всё же сбавил шаг.

Лестница, наконец, закончилась, и все трое оказались в большом зале. О его размерах ничего нельзя было сказать, так ни стен, ни потолка не было видно.

Горец свернул направо и, сделав несколько десятков шагов, оказался у стены. Нира с Георгием старались не отстать от него. Тупая боль в колене не давала Георгию покоя, но, остановиться и как следует осмотреть рану, ему мешала гордость. Георгию не хотелось выглядеть «слабаком» перед Нирой, а тем более перед этим нелюдимым Горцем.

Тем временем Горец вновь остановился.

— Подержи, — он протянул Нире факел, а сам стал ощупывать ладонями шершавую стену. Его пальцы остановились на маленьком округлом выступе. Горец с усилием надавил на него, и выступ плавно погрузился в стену, а вместо него образовалось небольшое отверстие. Вслед за этим раздался звук скрытого работающего механизма, и часть стены откатилась в сторону, открыв ещё одну, зияющую чернотой, пещеру.

Горец немедля проследовал внутрь. Георгий и Нира поплелись за ним. Эта пещера имела длину всего в несколько шагов. Она заканчивалась небольшой комнатой с запертой каменной дверью.

— Вот эта дверь и ведёт на поверхность, — пояснил Горец и добавил:

— Послушайте, как ревёт снаружи!

— А если дверь с той стороны завалена камнями? Тогда они не смогут войти, — заметил Георгий.

Горец молча поднял с пола камень и легонько постучал им по двери в нескольких местах.

— Нет, дверь пока ещё свободна. Да и открывается она вовнутрь. Здесь мы и подождём наших друзей. Они должны постучать.

С этими словами он укрепил факел в специально выдолбленном для этого углублении в стене, а сам уселся на корточки, опёршись спиною о стену пещеры.

Нира, стащив с ноги Георгия меховой сапог, осмотрела рану на его колене.

— Ничего серьёзного, — успокоила она своего друга. — Сейчас приложу лист месклина, да привяжу его покрепче. Бегать будешь! Главное — что кости целы.

Девушка извлекла из кармана своей куртки свёрток и развернула его. Георгий увидел там кусок белоснежной ткани и листья какого-то неизвестного ему растения.

«Эта девушка предусмотрительна… И до чего же, чёрт возьми, она прекрасна»! — подумал он, наблюдая за тем, как Нира ловкими движениями рук разрывает ткань на ровные полосы.

Георгий едва не закричал от боли, когда Нира затягивала повязку на его ноге. Скрипнув зубами, он посмотрел на Горца. Тот, не обращая на своих спутников никакого внимания, напряжённо вслушивался в рёв разгулявшейся стихии.

— Вот и всё! — бодро сказала Нира, помогая Георгию натянуть сапог. — Можешь не волноваться, Жора. Твоё колено заживёт быстро. Завтра, если останемся живы, надо сменить повязку.

— Тише, вы! — прикрикнул на них Горец. — Разгалделись! Похоже, я слышу стуки!

Он вскочил и, подбежав к двери, прислонил ухо к её поверхности.

— Точно! — воскликнул он. — Снаружи кто-то есть!

Горец выхватил из кармана плоскую металлическую пластину и вставил её в еле заметную прорезь на двери. Вслед за этим раздался щелчок, и дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель с бешеной скоростью хлынул поток воздуха, разом наполнивший пространство пещеры грязной водяной пылью.

— Помогите же мне! — крикнул Горец, тянувший обеими руками на себя непослушную дверь. — Похоже, петли заржавели!

Нира первой бросилась на помощь. Георгий, ковыляя вслед за ней, на ходу достал саблю и, подойдя к двери, воткнул клинок в щель и с усилием надавил на рукоять.

— Давай-давай! И р-раз! — крикнул Горец.

Со скрежетом, медленно, упрямая дверь, наконец, открылась, и, дьявольский ураган, ворвавшийся внутрь, сбил пожилого Горца с ног.

— Верёвку! Брось им верёвку! — крикнул он Георгию.

Георгий отцепил от пояса моток той самой верёвки, которую он захватил с собою ещё во время нападения разбойников. Один конец этой верёвки он крепко привязал к широкому поясному ремню, доставшемуся в «наследство» от покойного Грога, а к другому концу привязал первый попавшийся камень, вслед за чем, выкинул этот камень наружу. Мгновение спустя верёвка натянулась. Горец и Нира подошли к выходу и, для того, чтобы подстраховать Георгия, схватились за верёвку. Георгий принялся вытягивать её, но Горец остановил его.

— Нет, нет! Пусть её конец останется снаружи! Они будут держаться за неё и вползут сюда один за другим!

Вскоре в проёме показалась фигура человека. Им оказался один из Горцев. Лицо его было окровавлено. Свой шлем он потерял, из-за чего голова его представляла собой ужасное зрелище. На щеке этого человека зияла рваная рана; он, почти ничего не видя перед собой, упорно работал руками и ногами, полз, превозмогая боль.

— Халон, ты ли это? — воскликнул пожилой Горец, втащив своего собрата внутрь.

— Я, Шлок, я… — ответил тот, привалившись спиной к стене. — Там ещё… Наши.

Сказав это, Халон свалился без чувств на пол пещеры. Шлок, оставив его, возвратился к двери и, дёрнув за верёвку, прокричал:

— Есть! Кто-то еще ползет!

В пещеру ввалился ещё один человек. Вслед за ним, одна за другой, в пещеру вползли две собаки Лукана. «Жив ли их хозяин?» — подумал Георгий, глядя на псов, которые тотчас же принялись отряхиваться, разбрызгивая в разные стороны веера мелких капель воды.

Георгий уже успел проникнуться чувством глубокого уважения к Лукану. Этот Свободный Охотник импонировал ему своей суровой самобытностью, простотой и какой-то необъяснимой внутренней силой. Георгий искренне переживал за жизнь этого человека.

Между тем, уцелевшие люди, один за другим, вваливались в подземелье, переводя дух и негромко ругаясь. Вид у них был такой, как будто бы они только что побывали в мясорубке. Наконец, очередной, вошедший в пещеру Горец сообщил, немного отдышавшись:

— Всё! Снаружи больше никого нет! Я последний. Закрывайте дверь!

Георгий внимательно оглядел всех присутствующих. Одиннадцать Горцев. Лукана среди них не было…

— А где остальные?! — с надрывом спросила Нира. — Вы что, бросили их?! Где наш друг?!

— Их унёс ураган, — ответил один из Горцев. — Да поможет им Рум. Никто ещё не возвращался из Полосы Дождя. Живым…

Георгий взглянул на Ниру. Девушка стояла неподвижно, взгляд её серых глаз потускнел, руки безвольно опустились. Георгию показалось, что она вот-вот упадёт в обморок. Он подошёл к Нире и взял её за локоть.

— Нира, послушай, когда всё это закончится, мы выйдем и разыщем Лукана. Он сильный, он выживет…

Эти слова прозвучали из уст Георгия несколько фальшиво, неубедительно, он и сам это почувствовал, потому, запнувшись на полуслове, решил помолчать. Он подвел Ниру к стене. Она присела на корточки, низко опустив голову.

— Из Полосы Дождя ещё никто не возвращался… живым, — монотонно повторила девушка слова Горца.

«Что же это за мир такой»?! — с яростью подумал Георгий. — «Какие-то идиотские „полосы дождя“, разбойники, Горцы! Как здесь можно выжить?! Неужели нельзя в этом мире найти какое-нибудь тёплое местечко, на берегу моря, да и жить там припеваючи?! Эх, как хочется домой! Просто сил нет, как хочется! А до этого Ваaха ещё топать и топать»…

Громкий скрежет прервал поток его мыслей. Это те из Горцев, кто в состоянии был держаться на ногах, всеми силами старались теперь закрыть дверь. Георгий, не медля, бросился им на помощь. Ветер с той стороны как будто бы могучей рукой толкал дверь, не давая людям закрыть её. В пещеру сыпались камни, ветки, комья земли. Вода струилась через порог, заливая пол. Но упорству Горцев можно было позавидовать. Забыв о своих ранах, они, наступая друг другу на ноги и скрежеща зубами от натуги, дружно навалились на непослушную дверь. Наконец, замок щёлкнул, и все облегчённо вздохнули. Выход был надёжно заперт.

— Теперь мы в безопасности, — промолвил Шлок, обращаясь к Георгию. — Только нужно спуститься ниже, в глубокие пещеры. Переждете бурю у нас.

Часть 2. Глава 8

— Безобразие! Этот Грозник увел у меня талисман из-под самого носа! — со злостью крикнул Чёрный Маг Кохабар и с такою силой топнул ногою, что хрустальный фужер, стоявший на тяжёлом каменном столе, тоненько зазвенел.

— Зато, Ваше Магическое Злейшество, вы удачно обманули эту глупую ящерицу — дракона Комо и у вас теперь имеется Камень Огня! — проскрипела маленькая зелёная обезьяна, сидевшая на столе, рядом с фужером, и гаденько захихикала.

— Да! Что не говори, а Комо я обвёл вокруг пальца! Старый болван, наверное, «рвет и мечет»! Наверное, от обиды откусил сам себе кончик хвоста! Сам виноват, — Кохабар гордо расправил плечи, — Нельзя же, в самом деле, быть таким жадным!

— Повелитель, а, может быть, Грозник подобрал не талисман, а так…, ну, какую-нибудь безделицу?

— Не мели чепухи, Хери! Стал бы Грозник нестись в такую даль, сломя голову, из-за какой-то безделицы?! Нет, это, точно, был талисман. К тому же от этой вещи исходило сильное розовое сияние. Мои Летуны (Летуны — большие говорящие летучие мыши, слуги Кохабара. — Примечание автора). врать не будут. Знают, что стоит им солгать, и я сварю из них замечательный суп!… Да! — помедлив, сказал Кохабар, — Что-то Хери ты стал слишком разговорчивым в последнее время! Отправляйся-ка на Главную Башню и посмотри вокруг, может, что и увидишь полезного… Для меня! — добавил Кохабар, оскалившись своему отражению в зеркале.

— Ой, ну, Повелитель, там сыро и дует ветер! Хери промокнет, простудится и умрёт! К тому же на это есть Летуны, — обезьяна недовольно сморщила мордочку, но тут же поспешно вскочила со стола и побежала к двери, увидев, что Кохабар протянул руку к Магическому Жезлу, висевшему на поясе. — Бегу, Повелитель, бегу!

— Когда-нибудь я всё же превращу тебя в червяка! — крикнул волшебник вслед удаляющейся обезьяне и уселся в огромное, стоящее перед столом, кресло. Сейчас Кохабару просто необходимо было побыть одному, для того, чтобы обдумать в спокойной обстановке план своих дальнейших действий…

***

Высокие чёрные сапоги-ботфорты, кожаные брюки «в обтяжку», широкополая шляпа с длинным пёстрым пером и чёрный облегающий сюртук — Кохабар любил одеваться именно так. Ему претили остроконечные колпаки и длиннополые балахоны, в которых расхаживали все волшебники в этом сумасшедшем мире. Костюм Кохабара дополнял широкий пояс с висящими на нём коротким острым мечом и Магическим Жезлом, воздействия которого так испугался Хери.

На вид Кохабару было лет тридцать. Аристократичные черты его лица как-то не сочетались с образом жизни этого человека. Кохабар являлся одним из сильнейших Магов в Мазергале. Чуть загнутый вниз острый нос с горбинкой, щегольские усики над верхней губой и близко посаженые темные глаза с нескрываемым выражением презрения ко всему и всем в них — это лицо как будто бы сошло с портретов времён «благородных рыцарей и прекрасных дам».

Но это обличье Кохабар приобрёл совсем недавно и «виной» тому стал Камень Огня.

***

Старый дракон Комо даже не предполагал, что невзрачный обломок камня, валявшийся в его сокровищнице уже лет триста, обладает волшебной силой. Поэтому, когда Кохабар появился в пещере дракона, придумав пустяковый повод для визита, Комо ничего не заподозрил.

— Моё почтение дракону из драконов! Как поживаешь, Комо? — Кохабар, кряхтя, поклонился, опираясь на длинный сучковатый посох.

— Кто это тут так расшаркался? — громадный дракон, лежащий в центре большой залы, шевельнулся и наклонил голову, внимательно рассматривая незваного гостя, — А-а-а! — протянул он. — Пройдоха Кохабар, собственной персоной! А ты постарел, сильно постарел!

— Да и ты, Комо, моложе не становишься. Поди, уж тысячу лет небо коптишь! — Кохабар хрипло рассмеялся. — Помнится в последнюю нашу встречу, ты хотел меня изжарить!

— Было за что! Надо же, настроил против меня всех жителей Запределья! Жил я себе спокойно, можно сказать, припеваючи… Дань собирал. Так нет же! Явился! Освободитель хренов! А они — олухи и поверили тебе… Да-а-а, побили меня тогда! Ты ведь из-за Летающего Замка всю эту кутерьму-то затеял! А люди… Они тебе были по… Ну, да я на тебя особенно не сержусь. Добр я стал. Даже слишком. Мне сейчас спокойно живётся. На бой никто не вызывает, воины перевелись все, а еды вокруг вдоволь! — Комо приподнялся на задние лапы и, немного потоптавшись, снова лёг на пол. — Зачем ты пришёл, Кохабар?

— У тебя, в сокровищнице, хранится корона Мандиала. Я хочу купить её, — сказал Кохабар, глядя в большие, навыкате, глаза Комо.

— Ха-ха! Не смеши меня, Кохабар, а не то эта старая гора развалится и раздавит нас обоих! Кому нужен этот хлам? С тех пор, как Грозник убил Мандиала, корона превратилась в простой железный обруч, который сгодится разве что детям на игрушки. Грозник снял с неё все Заклятия Мандиала и наложил своё Заклятие. Легче сделать вторую такую, чем возиться со старой! Это знают все Маги в Мазергале!

— И всё же она мне нужна, Комо, и я готов заплатить.

Дракон внимательно смотрел на Кохабара, пытаясь прочесть его мысли, но старания его были напрасны. Слишком силён был Маг, чтобы поддаться чарам дракона. В конце концов, алчность этого большого, но скаредного существа взяла верх над осторожностью, и Комо сказал:

— Тысяча каблов (Кабл — золотая монета, денежная единица Мазергалы. — Примечание автора). — и она твоя!

Дракон нарочно «заломил» цену, в надежде на то, что Кохабар разозлится и тогда он, Комо, сможет прочесть мысли Мага. Но лицо Кохабара хранило невозмутимое спокойствие.

— Ты с ума сошёл, Комо, — покачал головой Чёрный Маг. — Тысяча каблов за кусок железа! Я дам тебе двести.

Начался торг. Дракон, соскучившийся по общению с каким бы то ни было живым существом, с небывалым усердием пытался доказать, что раз гостю так нужна эта корона, то жадничать в этом случае очень неумно, а он — Комо знает цену настоящим (пусть и бывшим) волшебным вещам и потому просто не может согласиться с предложением Мага.

Они долго спорили и, наконец, Комо согласился на пятьсот каблов, сетуя на то, что «отдает корону за бесценок».

Кохабар хорошо знал повадки дракона. Тот был не только жаден, но ещё и бесконечно ленив. Именно на врождённую лень дракона больше всего и надеялся Кохабар. И не ошибся.

После того, как Комо получил своё золото и тщательно пересчитал его, он окончательно успокоился и даже почувствовал некоторое превосходство над Кохабаром. По мнению дракона, Маг совершил непростительную глупость.

— Слушай, Кохабар, у меня в сокровищнице беспорядок, так что корону тебе придётся искать самому. Я, конечно, буду рядом. Да, и предупреждаю тебя, не бери ничего, кроме короны. На все драгоценности я наложил Заклятия. Даже если ты и возьмёшь что-нибудь, кроме короны, до выхода ты это не донесешь. Краденая вещь прожжёт твой карман. А как только найдешь корону, я сниму с неё Заклятие. Покупка есть покупка.

Комо вышел из залы, которая служила ему спальной и, тяжело топая, свернул в тёмный коридор, ведущий к сокровищнице. Кохабар не спеша шел вслед за ним.

«Только бы мне удалось отыскать там Камень Огня, — думал он. — Этот толстый увалень не знает о том, что вся его гора сокровищ ничто по сравнению с этой вещью».

Коридор закончился глухой стеной. Дракон, остановившись, что-то пробормотал себе под нос, и стена исчезла. За нею открылась хорошо освещённая просторная зала, в центре которой были свалены в беспорядочную кучу все богатства Комо.

— Ищи! — прогремел дракон, показывая лапой на груду. — Да постарайся сделать это быстрее, а то скоро наступит время моего драгоценного сна!

Кохабар, окинув взглядом сокровищницу, сразу же увидел Камень Огня. Он выглядел, как самый обыкновенный обломок гринолита (Гринолит — дешёвый поделочный камень серо-зелёного цвета. Один из самых распространённых минералов в Мазергале. — Примечание автора). и любой человек, проходя мимо, попросту пнул бы его ногой. Но не Кохабар.

В тайной книге Мандиала, которая попала в руки Кохабара после смерти Великого Мага, этот камень был описан с точностью до мельчайшего бугорка. Двадцать лет потратил Кохабар на то, чтобы расшифровать записи волшебника. И эти годы не прошли даром. Кохабар всё-таки узнал заклинание, с помощью которого можно было ощутить силу камня и безошибочно отличить его от обыкновенных обломков.

Войдя в сокровищницу дракона, он мысленно произнёс магические слова, и Камень Огня немедленно притянул его взор. Кохабар с трудом переборол возникшее желание схватить волшебный предмет и выбежать из пещеры. Но этого нельзя было делать ни в коем случае. Здесь, в пещере Комо, больше половины защитных заклинаний Мага просто-напросто не действовали.

Кохабар отложил свой посох в сторону, влез на гору сокровищ и принялся искать корону. Безалаберность Комо злила волшебника.

— Можно было и разложить всё, как следует, за такое-то долгое время! Всё равно ведь бездельничал! — сказал он дракону. — Всё ваше племя — такие лодыри, каких ещё поискать!

Комо в ответ промолчал. Он внимательно наблюдал за Кохабаром, усевшись у входа в хранилище.

Когда Мандиал погиб, сражённый Грозником, Комо и Кохабар были одними из первых, кто позарился на «осиротевшие» богатства колдуна. Кохабар взял тогда только книги, да несколько талисманов, а Комо подчистую выгреб из хранилища Мандиала все драгоценности. Грознику же было всё равно, кому достанутся сокровища. Благородство Белого Мага было «притчей во языцех» в Мазергале. Он вступил в бой с Мандиалом не из-за его имущества. Злой волшебник хотел безраздельно властвовать над всей Мазергалой, и именно это обстоятельство стало причиной его гибели.

— Пошевеливайся! — крикнул дракон Кохабару. — Слишком долго ты копаешься!

— Вместо того чтобы орать, лучше бы помог! — огрызнулся Чёрный Маг.

— Ты же волшебник, вот пусть тебе твоё волшебство и поможет! — отпарировал дракон.

— Ага, вот и она! — Кохабар выпрямился, с трудом вытащив корону из кучи прочих драгоценностей. Золотые браслеты, диадемы, рубины, позвякивая, посыпались на пол, разворошённые руками Кохабара.

— Смотри, что ты натворил! — заворчал Комо, вытянув шею. — Какой беспорядок здесь мне наделал! Негодный маг!

— Ничего, ничего, у тебя времени предостаточно, Комо. Сам сложишь всё обратно. Я и так переплатил тебе за эту железку!

Кохабар улыбнулся и корона, якобы случайно выскользнувшая из его рук, скатилась вниз и остановилась рядом с Камнем Огня. Заклятие Нужного Направления подействовало безотказно. Ничего не подозревающий дракон захохотал:

— Ай, да Маг! Тебе в ваахском цирке выступать надо, а не колдовать!

Кохабар пропустил эту колкость мимо ушей и, не спеша, подошел к лежащей на полу короне. Повернувшись спиной к дракону, он нагнулся, якобы намереваясь поднять её обеими руками. Быстрым движением левой руки он схватил Камень Огня, а правой — корону. Кохабар выпрямился и камень, умещавшийся в зажатом кулаке, быстро «перекочевал» в потайной карман, специально для этого случая, вшитый внутрь левого рукава балахона. О, сколько раз волшебник репетировал этот трюк!

Кохабар повернулся к дракону лицом, сжимая корону в правой руке.

— Теперь сними Заклятие с короны и пропусти меня, Комо. Я, пожалуй, пойду. Можешь не провожать.

— Как не проводить дорогого гостя?! — с пафосом сказал дракон, всплеснув передними лапами, — Нет уж, нет! До самого выхода провожу! До выхода! — и, добавил удовлетворённо. — Пятьсот каблов на дороге не валяются! Не правда ли, Кохабар?

Дракон проворчал магические слова, снимающие Заклятие и отступил в сторону, пропуская Кохабара. Черный Маг, прихрамывая и постукивая посохом об пол, вышел из сокровищницы и зашагал по коридору. Комо, заперев вход в хранилище, пыхтя, затопал вслед за ним.

Выйдя из пещеры, Маг отошёл от неё шагов на двадцать и остановился возле ожидавших его слуг-Летунов.

Произошедшие вслед за этим события так поразили дракона, что бедняга грохнулся на «пятую точку» с глупо выпученными глазами и открытой от удивления пастью.

Кохабар зашвырнул посох и корону далеко в сторону, сорвал со своей седой головы чёрный колпак и, хохоча, достал из потайного кармана Камень Огня.

— На все свои побрякушки ты наложил Заклятия, а самой главной вещи так и не заметил! Старый болван! Теперь я могу растереть тебя в мельчайшую пыль, но я этого не сделаю! Я оставлю тебя в живых для того, чтобы ты каждый день проклинал себя за этот глупый поступок!

С этими словами Кохабар выхватил из-под полы своего балахона Магический Жезл и ударил им по волшебному камню. Раздался удар грома и в ту же секунду старец превратился в высокого молодого красавца-мужчину в облегающем тело чёрном костюме. Его гомерический хохот, многократно усиленный эхом от серых неприветливых скал, заполнил всё пространство вокруг.

Летуны в ужасе шарахнулись в разные стороны.

— Я снова молод! — закричал Кохабар. — Я вечно буду молодым! Летите в Замок! — приказал он Летунам. — Обойдусь без вас! Теперь я сам могу парить, как птица!

Чёрный Маг поднялся в воздух и, перестав хохотать, обратился к дракону:

— А знаешь что, Комо? Теперь мне не надо заставлять Летунов перетягивать Летающий Замок с места на место. Теперь он может передвигаться по воздуху самостоятельно! Ну, или вернее, когда я этого захочу! — на слове «я» Кохабар сделал ударение. Волшебник прямо-таки упивался приобретённым могуществом.

— Раньше-то Замок просто висел в воздухе. Неподвижно… А теперь… — Кохабар закатил глаза, «опьянённый» своими новыми возможностями.

Дракон застыл в оцепенении. Он абсолютно ничего не понимал. Его мозг отказывался принимать случившееся.

Кохабар продолжал:

— Ну что ж, дорогой мой Комо, мне, пожалуй, пора! Дела, знаешь ли… И не сиди долго на пороге пещеры, а то простудишься!

Волшебник направил Магический Жезл в сторону чудовища и, сорвавшаяся с наконечника, маленькая голубая молния ударила прямо во влажный драконий нос. Комо, выведенный из оцепенения таким неожиданным образом, подпрыгнул на месте и захлопнул неприлично разинутую пасть.

Кохабар взмыл высоко в воздух и оттуда донёсся его крик:

— Прощай, Комо! Может ещё и увидимся!

***

Кохабару это воспоминание доставляло почти физическое наслаждение. Ухмыляясь, он протянул руку к фужеру с вином, поднёс его ко рту и сделал большой глоток.

«Отличное вино! — подумал он и поставил фужер обратно. — Скоро, скоро я стану единственным правителем Мазергалы, и все её богатства окажутся в моих руках! Вот только… Грозник. Всё же, с его силой приходится считаться. Конечно, он бросится спасать короля. И мне, несомненно придется сражаться с Белым Магом. А Мандиала-то он победил…».

Вслух же, ободряя самого себя, Кохабар сказал:

— Ничего-ничего! Везло до этого, повезёт и сейчас!

Пока, действительно, всё шло «гладко». Полоса Дождя, этот клубок из всех мыслимых и немыслимых несчастий, двигалась прямо на Ваах, что совпадало с планами Чёрного Мага. Свой Замок он поместил внутрь этой стихии, надеясь большую часть пути проделать незамеченным.

Глава 9

Полоса Дождя… Она всегда появлялась неожиданно. Никто из многочисленных Магов и провидцев не мог предсказать, когда она прокатится по Мазергале. Плотный вал из ураганов, молний и непрерывных потоков воды, возникая внезапно, неизвестно откуда, двигался с огромной скоростью, уничтожая на своём пути всё живое, разрушая с одинаковой лёгкостью хижины местных жителей и целые города с их неприступными замками.

Около ста лет назад, Полоса Дождя, добравшись до Вааха, полностью уничтожила его и другие города находившееся на побережье Буйного Моря. В тот злополучный год она унесла с собою жизни трёх четвертей населения Мазергалы, и это время получило название — Год Великой Скорби. Но Ваах под непосредственным руководством нового короля — Аллоклия вновь отстроился, а остальные города просто-напросто некому было восстанавливать. С тех пор Ваах стал столицей Мазергалы и единственным крупным городом на всей территории этой суровой страны.

Многие Маги пытались управлять Полосой Дождя, но их попытки всегда заканчивались неудачей. Полоса Дождя рождалась неожиданно и так же неожиданно исчезала. Она могла резко изменить своё направление, вплоть до противоположного. Иногда её длина достигала нескольких тысяч вёрст, как в Год Великой Скорби, а иногда ограничивалась несколькими десятками. Она могла появляться ежегодно в течение, например, трёх лет, а затем и вовсе исчезнуть лет на десять, с тем, чтобы, возникнув в один «прекрасный» день, вновь пронестись по Мазергале, сея смерть и разрушения…

***

Как только Кохабар обрёл Камень Огня, он решил немедленно двинуться на Ваах. Этот город давно манил к себе коварного Мага. Захватив его, он получил бы власть над всеми мазергалийцами, над их имуществом, жизнью и желаниями. Честолюбивому Кохабару надоело быть бродячим волшебником. Даже завладев Летающим Замком и Камнем Огня (что для любого другого Мага было бы само по себе неслыханной удачей), он не успокоился. Он уже был наслышан о вновь появившейся Полосе Дождя, и ему в голову пришла, на первый взгляд, безумная мысль: «А что если оградить Летающий Замок Заклятием Защитной Сферы и направить его в самое „сердце“ Полосы Дождя? Какое-то время можно скрываться внутри её от всевидящего ока Грозника, по крайней мере, до тех пор, пока она движется прямо на Ваах. А если ей вдруг вздумается внезапно повернуть, то делать нечего, придётся „играть в открытую“»!

Как и прочие волшебники, Кохабар не знал ни одного заклинания, которое могло бы заставить Полосу Дождя свернуть в нужную ему сторону. Он просто надеялся на то, что она не изменит своего направления и тогда у него появится хороший шанс напасть на Ваах неожиданно.

Обстоятельства благоприятствовали Магу, вот только события сегодняшнего утра немного насторожили его. Кохабара беспокоили мысли о том самом таинственном предмете, испускавшем розовое сияние, который лежал в снегу на пути Полосы Дождя и о котором Хери выразился, что «может быть это какая-нибудь безделица».

Чёрный Маг не мог согласиться с предположением своего слуги по двум причинам: во-первых, не стал бы Грозник удаляться так далеко от Вааха из-за какой-нибудь ерунды, а во-вторых, описания этого предмета не было ни в одной из известных Кохабару колдовских книг, а каждый волшебник знает, что новый талисман всегда заключает в себе большую магическую силу и его можно найти в самом неожиданном месте.

***

Этот предмет обнаружили два Летуна, которых сегодня утром Кохабар выслал на разведку местности впереди Замка, предварительно оградив их от гибели в Полосе Дождя защит-

ными Заклинаниями. Дело в том, что прожорливые воины-Тролли, которых Чёрный Маг содержал в подвалах Замка, постоянно хотели есть. В это утро они расшумелись не на шутку, и Кохабар даже пожалел о том, что связался с ними. Пользы от них пока было мало, они могли пригодиться лишь в Ваахе, зато они, с молниеносной быстротой, уничтожали запасы провизии. По этой причине Кохабару приходилось высылать Летунов за пределы Замка, чтобы те, обнаружив какую-нибудь «живность» на пути Полосы, дали знать об этом Магу. Чаще всего попадались олени. Когда Полоса Дождя настигала животных, калеча и убивая их, Кохабар останавливал Замок, приказывал Летунам собрать туши и доставить их Троллям. Естественно, что эти частые остановки злили Кохабара, и он никогда не торопился выполнять желания Троллей по их первому требованию. Каждый раз, получив очередную порцию мяса, Тролли устраивали всеобщую драку за лучший кусок, производя при этом ужасный шум. Сорок восемь уродливых трехметровых созданий били, кусали, царапали друг друга, сваливаясь в общую кучу. У Кохабара от этих ежедневных драк начинала болеть голова, и портилось настроение. Однако Тролли были хорошими воинами, и ему приходилось терпеть все их дикарские выходки.

Летуны-разведчики вскоре вернулись и доложили, что впереди они видели оленей, а также странную светящуюся вещь на заснеженном склоне холма.

— Вы принесли её? — спросил Чёрный Маг.

— Мы побоялись взять её, Повелитель, — виновато ответил один из Летунов, опустив голову. — Решили сначала посоветоваться с вами.

— Трусы! Олухи! — рассвирепел Кохабар. — Немедленно летите обратно и принесите эту вещь мне! Вы достаточно насобирали себе всяких блестящих безделушек, которым грош цена, не думая о последствиях! Так услужите своему хозяину хотя бы один раз! Тем более, вы знаете, что меня интересуют все, без исключения таинственные предметы!

Кохабар топнул ногой и Летуны, в спешке натыкаясь друг на друга, и, неуклюже переваливаясь на коротких ножках, ринулись к выходу.

Прошло довольно много времени, прежде чем они вернулись. Дверь кабинета Мага приоткрылась и в образовавшейся щели показалась испуганная морда Летуна.

— Что мнешься? Входи! — приказал Кохабар.

Слуга вошёл и, прикрыв за собой дверь, застыл, как вкопанный.

— По… Повелитель… — тихо промолвил он, заикаясь от волнения.

Кохабар, почувствовав неладное, оборвал Летуна:

— Где эта вещь?! Она у тебя?! Или… — лицо его исказилось в злобной гримасе, он медленно встал с кресла и направился к своему слуге. — Или вы её не нашли?! — зловеще прошипел маг.

— Повелитель! Прошу, пощадите нас! Мы уже были совсем близко, мы уже видели её! Но что-то большое и белое упало с неба прямо перед нами и схватило эту штуковину! Похоже, это был какой-то человек. Мы хотели догнать его, но он летает быстрее, чем мы! — выпалил Летун, припадая к полу и ожидая удара…

Он не успел выскочить из кабинета. Молния, выпущенная Кохабаром из Магического Жезла, ударила Летуну в затылок.

— Растяпы! Это же был Грозник! — Маг подошёл к распростёртому на полу телу и пнул его. — Мёртв… Эй ты, за дверью! Войди и убери отсюда своего дружка! Слышишь меня?! Не бойся, ничего я тебе не сделаю, вас и так слишком мало осталось!

Второй Летун осторожно, боком протиснулся в дверь, ожидая подвоха, но когда увидел, что хозяин повесил Магический Жезл обратно на пояс, подошёл к мёртвому телу собрата и, взяв его за бесчувственное крыло, молча потащил прочь.

— Погорячился я… — с вздохом промолвил Кохабар. — Теперь их осталось всего девять.

***

Размышления Мага об этом неприятном событии были прерваны внезапно раздавшимся в кабинете, противным скрипучим голосом:

— Повелитель! Там уже смеркается и почти ничего не видно!

Это Хери, вернувшийся со своей принудительной вахты, промокший, трясущийся от холода и голодный, в нерешительности стоял в дверях, пытаясь угадать настроение хозяина.

— Входи, входи! — сказал Кохабар, даже не удостоив обезьяну взглядом.

— Я поем, Повелитель? — спросил Хери, грея лапки у массивного камина в углу и косясь на блюдо с кусками уже остывшего мяса, которое стояло на столе Кохабара. Тот в ответ лениво махнул рукой мол «делай, что хочешь».

Обезьяна проворно запрыгнула на стол и схватив большой кусок, впилась в него своими маленькими острыми зубками. Чавкая и мыча от удовольствия, она быстро расправилась с ужином. Насытившись, она погладила себя лапкой по животу и, громко рыгнув, разлеглась прямо здесь же, на столе…

***

Кохабар купил это удивительное животное пару лет назад у одного разбойника. Тот всячески расхваливал обезьяну, говорил, что «она — хороший шпион, вдобавок умеет разговаривать, да к тому же остра на язык».

Кохабару, как и любому другому Магу, порой хотелось с кем-нибудь поговорить, поспорить, а в Гиблых Лесах не часто встретишь существо, желающее разговаривать с волшебником. И люди и звери сторонились их.

«Сойдёт в качестве придворного шута»! — сказал тогда Кохабар и не ошибся. Обезьяна оказалась удачным приобретением. Немного поговорив с Хери, Кохабар расплатился с разбойником, хотя вполне мог забрать обезьяну бесплатно, околдован её хозяина. Но Маг не привык зря тратить свою волшебную силу, да и денег у него тогда было предостаточно…

***

Проснувшись на следующее утро, Кохабар с отвращением оглядел свой кабинет и промолвил:

— Голые чёрные стены… Какое убожество! Кресло каменное, стол каменный, в спальной комнате моё ложе и то — каменное! За окном, от этой слякотной Полосы Дождя, вечный полумрак! Вот доберусь до Вааха и в первую очередь обставлю Замок роскошной мебелью. На стену повешу ковры… Как ты думаешь, Хери, у короля Аллоклия, наверное, прекрасные ковры? — он толкнул спящую на столе обезьяну в бок. — Эй, Хери, я тебя спрашиваю, как ты думаешь?!

Обезьяна, проснувшись, села, протёрла лапками заспанные глаза и ответила:

— Не знаю, Повелитель, какие там у него ковры, а вот три его дочери, изумительные красавицы, если верить портрету.

— Какому портрету? — заинтересованно спросил Кохабар. — Ты раньше ничего не говорил мне о портрете.

— А вы и не спрашивали. Разбойник, у которого я жил, ограбил какого-то Свободного Охотника и притащил из его жилища небольшой портрет. Он сказал, что это королевская семья.

— Дочери… — задумчиво промолвил Кохабар. — А это не дурно, Хери, не дурно! Вот захвачу Ваах и возьму в жёны всех трёх! Ха-ха-ха! — Кохабар откинулся в кресле, в восторге хлопая себя руками по бёдрам.

— «Ха-ха»… — тихо повторил Хери, передразнивая хозяина. — Только нужно сначала захватить этот город. У Аллоклия есть ещё и сын и, поговаривают, что он непревзойдённый полководец. А ещё в Ваахе живёт Грозник, если вы забыли!

Хери явно не выспался, потому был не в настроении выслушивать мечтания Чёрного Мага.

Кохабар «взорвался»:

— Не напоминай мне о Грознике! С меня достаточно вчерашнего случая! Ух, проклятый Грозник! Если б не он… — Чёрный Маг до боли сжал кулаки и, вскочив с кресла, зашагал по комнате взад-вперёд.

— Не злитесь, Повелитель, впереди ещё долгий путь! Кто знает, может обстоятельства сложатся в нашу пользу! — успокаивал Хери хозяина.

***

В это утро Кохабар решил подняться на Главную Башню Замка, тем самым освободив обезьяну от этой обязанности, чему Хери несказанно обрадовался. Стоять на самом верху, на открытой всем ветрам сырой смотровой площадке Башни — занятие не из приятных. Уж лучше поспать.

Главная Башня — сооружение цилиндрической формы с каменным бордюром наверху, была гораздо выше остальных четырёх башен, располагавшихся по углам мрачного четырехугольного исполина. Эта башня находилась в центре внутреннего двора крепости и служила обитателям Замка в качестве наблюдательной вышки.

Кем и когда был построен Летающий Замок — неизвестно. Почти четыре тысячи лет им владели драконы Запределья, передавая его из поколения в поколение, пока Кохабар, используя силу местных жителей (которых он ополчил против Комо) и свою хитрость, не отобрал его у дракона. Комо никогда не интересовался, кто построил этот Замок. Смысл его драконьей жизни сводился к накоплению как можно большего количества золота и ещё к заботе о том, чтобы его огромный желудок никогда не оставался пустым.

Когда Кохабар стал владельцем летающего чуда, он в первую очередь занялся тем, что навёл порядок во всех залах и произвёл в Замке необходимый ремонт, для чего опять-таки потребовалось немало всеразличных Заклинаний и обыкновенных человеческих сил.

Сейчас, поднимаясь по винтовой лестнице, Кохабар был горд и доволен собой. Многолетние честолюбивые мечты наконец-то воплощались в реальность.

— Правитель Мазергалы — Кохабар! Звучит! — громко сказал он, выйдя на смотровую площадку Главной Башни, и прищёлкнул пальцами.

Сильный ветер попытался сорвать с его головы широкополую шляпу. Маг снял её и зажал в левой руке. Замок плыл над верхушками деревьев, а вокруг, одна за другой, из тёмных клубящихся облаков выскакивали молнии и, разрывая воздух с оглушительным треском, беспорядочно врезались в зеленое хвойное море.

Площадка Башни, на которой стоял Чёрный Маг, едва возвышалась над непрерывно извивающимися, словно гигантские змеи, мрачными тучами. Изредка Кохабара обдавало с ног до головы мельчайшими капельками воды. Он, конечно, мог защитить своё тело от непогоды с помощью волшебства, но почему-то именно сейчас ему не хотелось этого делать. Кохабар всматривался вдаль и видел ещё нетронутое Полосой Дождя, заснеженное русло реки. На мгновение ему показалось, что там, на её середине, перемещаются какие-то крохотные чёрные точки. Может быть это люди? Но он отбросил эту мысль, когда увидел множество животных, в панике «высыпавших» из леса перед Полосой Дождя на открытое место.

Внизу творилось нечто невероятное. Треск ломающихся деревьев, смешанный с криками животных, гулким уханьем камней и завываниями ветра, вызвал бы у кого угодно мерзкое чувство страха. Но Кохабар, поднимавшийся на Главную Башню не в первый раз, чувствовал себя хозяином Полосы Дождя. Ему казалось, что именно он и создал её, и, пусть, на самом деле, это было совсем не так, Чёрный Маг не хотел в эти мгновения думать иначе.

Осмотревшись ещё раз вокруг и, убедившись, что пока всё складывается для него, как нельзя лучше, Кохабар решил вернуться к себе в кабинет и как следует позавтракать.

«Не престало мне, великому Магу, так долго торчать здесь. После завтрака пошлю сюда Летуна», — думал Кохабар, спускаясь по крутой лестнице.

В кабинете было тепло и сумрачно, пахло смолой от сложенных рядом с камином дров. Хери, свернувшись калачиком, спал на каком-то тряпье прямо перед очагом. Кохабар протянул руки к огню. Несмотря на то, что Полоса Дождя была настолько тёплой, что под влиянием её таял снег, всё же воздух внутри её не прогревался от постоянной сырости. Зима есть зима.

Немного согревшись, Кохабар подошёл к столу. Предусмотрительный Хери принёс из кладовой бутылку вина. Он знал, что хозяину захочется выпить после прогулки на Главную Башню. Маг наполнил фужер и уселся в кресло. Глядя на то, как в цвет вина в отсветах каминного пламени меняется от тёмно-бордового до пурпурного, он подумал о том, что неплохо было бы сейчас «покувыркаться» с какой-нибудь молоденькой девушкой, отвлечься от повседневных забот, так сказать. Некоторые ошибаются, думая, что волшебникам чужды чувства и желания обыкновенных людей.

Осторожный стук в дверь оборвал приятные мысли Кохабара.

— Входи! — крикнул Маг, раздражённый тем, что ему опять не дают покоя.

Дверь открылась, и в комнату, неуклюже ступая, вошёл Летун. Кохабар встал и, уперев руки в бока, пристально посмотрел на вошедшего.

— Что случилось? Опять принёс дурные вести?

— Нет, нет, Повелитель! Там… Горцы… Они попали в Полосу Дождя и…

— Ну, так подберите их трупы и скормите Троллям! Эти твари никогда не откажутся полакомиться свежей человечиной! Тьфу! — сплюнул Кохабар с отвращением и продолжил. — И вообще, с каких это пор я должен выслушивать такие пустяковые доклады! Могли бы и сами разобраться!

— Повелитель, извините, но вы не дослушали. Среди них оказался один живой. И он не Горец. По-моему, он Свободный Охотник. Вот мы и решили… Посоветоваться… — Летун, заглядывая в глаза Кохабару, пытался угадать, какую реакцию вызовет у Мага это сообщение. Он замер в напряжении, готовый в любую минуту броситься к выходу.

— Ну, что ж, на этот раз вы всё правильно сделали, — успокоившись, промолвил Кохабар и добавил. — Может этот Охотник знает что-нибудь о талисмане? Он уже в Замке? Вы притащили его?

Летун в ответ утвердительно кивнул.

— Насколько он плох? — спросил Чёрный Маг.

— Он еле дышит, Повелитель. Похоже, у него переломаны кости, — ответил Летун.

— Вылечите его. Как только он будет в состоянии внятно говорить, скажите мне. Я хочу побеседовать с ним.

— Будет сделано, Повелитель! Можно идти?

— Идите! И постарайтесь сделать так, чтобы он не умер! А не то…

Кохабар впился холодным взглядом в глаза Летуна. Тот задом попятился к выходу и бесшумно выскользнул из кабинета, осторожно закрыв за собою дверь.

— Хери, как ты думаешь, — спросил Кохабар, повернувшись к молча наблюдавшей за всем происходящим, обезьяне, — этот Свободный Охотник знает что-нибудь о талисмане?

— Я думаю, должен знать. Сейчас все Свободные Охотники отправляются в Ваах, чтобы выгодно продать там меха. За один день они проходят очень много вёрст, потом собираются небольшими группами — вместе ведь веселее в пути, так что если этот Охотник ничего и не видел, то уж, конечно, что-нибудь да слышал от своих друзей.

— Логично, Хери, логично… — сказал Кохабар. — Скорее бы он заговорил! Нет ничего хуже, чем оставаться в неведении!

— Летуны — хорошие лекари, Повелитель, — уверенно сказал Хери, копаясь в своей зелёной шерсти и, время от времени, выковыривая оттуда постоянно кусавших его блох. — Посмотрели бы вы, как быстро залечивают они раны у безумных Троллей. Они его вылечат.

Летуны действительно быстро привели Свободного Охотника в чувство. Уже через три дня один из них явился к Кохабару и доложил о том, что Охотник может связно говорить и отвечать на вопросы.

— … он даже пытался сбежать, Повелитель, но он ещё слишком слаб, чтобы ходить. На всякий случай мы привязали Охотника к кровати.

— Я сейчас же спущусь и поговорю с ним, — сказал Кохабар, застёгивая сюртук, — Иди! — махнул он рукой Летуну.

Шагая по коридору, освещённому красноватым светом факелов, Маг размышлял о том, как расположить к себе Свободного Охотника, разговорить его. Охотничья «братия» недолюбливала странствующих Магов. Особенно Чёрных.

Спустившись по холодным ступеням на два уровня вниз, Кохабар открыл дверь в комнату Летунов и вошёл. Семеро Летунов висели на насестах вниз головами. Они спали. Восьмой дежурил на Главной Башне, а девятый стоял сейчас у дальней стены, рядом с кроватью, на которой лежал пленник.

— Моё почтение Свободному Охотнику! — громко поздоровался волшебник. — Я — странствующий Маг — Кохабар. Я велел подобрать вас, следовательно, спас вам жизнь. Позвольте узнать ваше имя?

Привязанный к кровати человек, до этого смотревший в стену, повернул голову и воззрился на «спасителя». Чёрный Маг оторопел. Лицо этого Охотника поразило его. Одна половина лица смотрела на Кохабара с улыбкой, вторая же была перекошена от злобы.

— Моё имя — Лукан, — прохрипел загадочный человек, — Я — Свободный Охотник и терпеть не могу странствующих Магов, — он вновь отвернулся и уставился на стену.

— Да-а-а… — вздохнул Кохабар. — Вот и вся благодарность! Знаете, Лукан, я уже привык к такому отношению ко мне со стороны обыкновенных людей, и, поверьте, ничуть не разозлился, хотя мог бы. И ещё. Вы не могли бы, Лукан, придать своему лицу более приветливое выражение? А то, знаете, как-то неприятно, честное слово…

— Заткнитесь! — огрызнулся Охотник, по-прежнему не поворачивая головы. — Если бы я и мог придать своему лицу хоть какое-нибудь выражение, то, поверьте, оно понравилась бы вам не больше того, каким вы видите его сейчас!

— А-а-а… Значит вы больны… — Кохабар цокнул языком и с напускной жалостью закивал головой. — Я мог бы вас вылечить.

— Идите вы… со своим лечением. У кого угодно, но только не у вас, я сам попросил бы помощи! Все Чёрные Маги подлы, и, ради собственной выгоды готовы на всё, вплоть до убийства.

— Откуда вам знать, Лукан, чёрен я или бел? Вы здесь всего лишь три дня, а уже судите.

— А я нутром чувствую. Сердцем. Оно никогда не обманет. И не обманывало.

Кохабар задумался о том, что ему делать дальше. Убедить Лукана в том, что тот находится в гостях у доброго волшебника, не удалось. Не настолько глупым был Охотник, чтобы «купиться» на хорошие манеры Кохабара.

— Лукан, я надеюсь, вы понимаете, зачем вас привязали к кровати. Поверьте, это для вашего же блага. Замок парит высоко над землёй и убежать отсюда нет никакой возможности, тем более что мы находимся в самом центре Полосы Дождя. Мои Летуны прекрасно позаботятся о вас. Я не приказывал им связывать вас. Ваши кости ещё не срослись как следует и вы, своей попыткой побега, чуть было не нанесли себе непоправимый вред. Я немедленно прикажу развязать вас, если вы дадите мне слово не пытаться более бежать. Ну, так как же?

Лукан молчал. Кохабар, стоя рядом, ожидал ответа. Он не торопил Охотника. Ему всё-таки хотелось расположить к себе этого человека. Ну, или хотя бы добиться того, чтобы Лукан немного «оттаял». Это было похоже на то, как кошка «играет» с мышью, прежде чем съесть её.

— Ладно, развяжите меня, — заговорил, наконец, Лукан. — Я даю слово Свободного Охотника, что не сбегу, — он теперь пристально смотрел в лицо Магу, пытаясь понять, какие цели преследует волшебник, так вежливо обращаясь с ним. В том, что во всём этом есть какой-то подвох, Лукан не сомневался.

— Развяжи гостя! — приказал Кохабар Летуну.

Слуга проворно подбежал к кровати и быстро развязал ремни, сковывавшие руки и ноги Лукана.

— Так лучше, не правда ли? — спросил Чёрный Маг, улыбаясь. — Когда вы окончательно поправитесь, я выпущу вас на свободу, высажу вас там, где вы захотите.

— Удивительная забота… — пробормотал Лукан. — Всё это неспроста. Скажите прямо, Кохабар, что вам от меня нужно? Я вижу вас насквозь. Вам плевать на мою жизнь. Вы хотите что-то выведать у меня. Ведь так?

— Выведать? Нет, это слишком громко сказано. Скорее всего, лишь спросить об одной маленькой вещице. Так, совсем о мелочи, — Кохабар подошёл вплотную к кровати и склонился над Луканом. — Видите ли, совсем недавно я потерял в этих краях предмет, который очень дорог мне. Я попытался найти его, но, видимо кто-то меня опередил. Речь идёт о небольшой штуковине, даже не могу описать её, как следует… Она источает такое чудесное розовое свечение, что пройти мимо неё и не заметить её, просто невозможно. И я хочу спросить вас, Лукан, не попадалась ли вам она? Или, может быть, кто-нибудь из ваших друзей нашёл её, или вы что-нибудь слышали о ней? А?

Лукан в ответ отрицательно покачал головой и ответил:

— Ни о чём подобном я никогда не слышал. Вообще никогда. Ни в последнее время, ни десять лет назад. Поверьте, Кохабар, ни я, ни мои друзья, ничего не знаем о потерянном вами предмете. Вы, попросту, зря тратите своё время, расспрашивая меня. Не лучше бы вам сразу, господин Чёрный Маг, вышвырнуть меня из своего Замка?!

Кохабар всплеснул руками.

— Ну что вы, что вы! Не настолько уж я жесток, чтобы уничтожать всех и вся на своём пути! У меня к вам ещё один вопрос, Лукан. Скажите, не появлялся ли в ваших краях какой-нибудь необычный человек? Ну, например, чужеземец-волшебник?

Лукан сразу же вспомнил о человеке с необычным именем — о Жоре, но каким-то «шестым чувством» понял, что рассказывать о нём Кохабару не следует.

— Нет. Никаких чужестранцев я не встречал и не слышал, чтобы о чём-нибудь таком говорили мои знакомые, — уверенно солгал Лукан.

Кохабар выпрямился и, заложив руки за спину, зашагал по комнате. Летуны на своих насестах проснулись, но, боясь хоть каким-то движением рассердить хозяина, по-прежнему висели вниз головами, неотрывно следя за Кохабаром большими влажными глазами.

— Ну, что же, — произнёс Кохабар, остановившись, — На «нет», как говорится, и суда нет! Из Замка я вас, конечно, не выкину, вы покинете его сами, как только поправитесь. Продолжайте лечить нашего гостя! — приказал Кохабар своим крылатым слугам и направился к выходу.

В дверях он остановился и, обернувшись, сказал Лукану:

— Знаете, я думаю, что вы не солгали мне. Какой вам толк от вранья?

Глава 10

— Ну, Хери, что ты обо всём этом думаешь? — Кохабар медленно передвинул красный камешек на две клетки вперёд и Хери от досады стукнул себя лапкой по лбу. Кохабар выигрывал у него в дрок (Дрок — самая популярная игра в Мазергале, напоминающая земные «шашки». — Примечание автора). уже вторую партию подряд.

— Да тут даже топу понятно, что он врёт! — Хери, кусая коготки, обдумывал ответный ход, — У всех Охотников есть собаки. Они — их глаза и уши. И потом. Знаете, сколько вёрст может пройти Охотник без отдыха? Восемьдесят! Наверняка, этот Лукан что-то знает о талисмане, — Хери аккуратно сдвинул камешек на одну клетку назад.

— Я тоже так думаю, Хери, — промолвил Маг, сделав ход по диагонали вправо и убрал с игральной доски оставшиеся четыре фишки Хери. — Потому-то я и распорядился о том, чтобы сегодня вечером Летуны дали отведать нашему гостю Эликсира Честности. Ха-ха! Хери, ты проиграл и эту партию! Придётся тебе два дня подряд провести на Главной Башне! Ты только подумай, как обрадуются Летуны!

Кохабар, победно глядя на обезьяну, скрестил пальцы рук на животе.

— Повелитель, а может быть, вы мне простите проигрыш? А? — с надеждой взмолился Хери.

— Ну, нет, Хери! Игра есть игра! И не злись, ты сам предложил мне сыграть в дрок! Я тебя за язык не тянул!

Кохабар вдруг посерьёзнел и добавил:

— Твоя жизнь слишком коротка, Хери, чтобы тратить её на злобу! Лучше принеси-ка мне ещё вина!

***

Эликсир Честности Кохабар изобрёл очень давно, еще тогда, когда вёл полуразбойничий образ жизни на берегу Буйного Моря. От одного из разбойников, вместе с которыми он «промышлял», ему удалось случайно узнать, что на Севере, в ущелье Тиркана, растёт особая трава, пожевав которую, даже самый замкнутый человек становится намного разговорчивее, чем он есть на самом деле. Кохабар тогда крайне заинтересовался этим фактом и решил, во что бы то ни стало, добраться до ущелья Тиркана. И добрался. Его собеседник не солгал, и, Кохабар, немного помучившись, «состряпал» из этой загадочной травы настой, в состав которого входило ещё несколько различных компонентов. Маг назвал полученный состав Эликсиром Честности, после того, как добровольно испробовал его воздействие на себе, предварительно уединившись в пустынном месте. Действие Эликсира несказанно удивило Кохабара. Черный Маг не смог бы в тот момент солгать даже камню. С тех пор, как только предоставлялась возможность выбора — использовать Эликсир или выведать правду у кого-либо с помощью магических действий, Кохабар, не раздумывая, выбирал первый способ.

***

Чёрный Маг вручил Летунам склянку с зельем и строго-настрого приказал добавить его Лукану в чай, который тот всегда получал после ужина.

— Как только этот Охотник начнёт «лопотать», — внушал Кохабар Летунам, — а он обязательно начнёт рассказывать о себе, в этом не сомневайтесь, немедленно зовите меня! Мне не терпится услышать историю его жизни!

Однако Маг не смог спокойно сидеть в своём кабинете, в ожидании, когда слуги позовут его. Он сам спустился вниз и остановился у двери комнаты Летунов. Он усиленно прислушивался к тому, что происходило за этой дверью. И когда дверь распахнулась, и, из комнаты выбежал Летун, Кохабар тут же остановил его:

— Заговорил?!

— Заговорил, Повелитель! О, а вы уже здесь?! А я к вам… — удивлённо пробормотал слуга.

— С дороги, олух! — Кохабар оттолкнул его и быстро вошёл в комнату.

На этот раз Летуны не спали. Они сидели и стояли вокруг кровати Свободного Охотника, «во все уши» слушая его рассказы. Не так много было развлечений в Летающем Замке, чтобы пренебрегать лишней интересной историей, к тому же рассказанной чужаком.

— Живо отойдите от него! Живо, я сказал! — в ярости закричал Чёрный Маг.

Он быстро снял с пояса короткий меч и плашмя, чтобы нечаянно не нанести серьёзных ран, принялся лупить им Летунов по их чёрным лоснящимся спинам. Те бросились врассыпную, визжа и охая, кто от страха, кто от боли, кто от того и другого одновременно. Внезапность появления хозяина не на шутку испугала слуг, и они столпились у противоположной стены, преданно и самозабвенно поглядывая на Кохабара.

— Вон! Выйдите вон! — заорал Маг страшным голосом. — Я хочу поговорить со своим гостем с глазу на глаз! Разве я не имею на это права?!

Летуны поспешили исполнить приказ своего хозяина с таким усердием, что в дверях образовалась «куча мала». С визгом и проклятиями каждый из них старался выскочить первым, опасаясь получить удар молнией из Магического Жезла. Они знали, что если Маг «взбесится», то обязательно хватается за Жезл. И тогда горе тому, в кого угодит быстрая голубая стрела.

Но Кохабар не собирался калечить своих слуг. Он повернулся к Летунам спиной (ему был противен их страх) и уставился прямо в глаза Свободному Охотнику. Лукан молчал, наблюдая за свалкой в дверях. Когда, наконец, крылатая стая покинула комнату, прикрыв за собою дверь, Лукан неожиданно сказал Магу:

— Вы очень жестоки, Кохабар. Смотрите, как бы в один прекрасный день ваши слуги не отплатили вам той же монетой.

— Это не ваше дело, Лукан, — на лице Кохабара возникла та же самая улыбка, которой удостоился дракон Комо в тот день, когда лишился Камня Огня. — Мои слуги доложили мне, что сегодня вечером вы особенно разговорчивы и рассказываете разные удивительные истории. А я, поверьте, как раз сегодня сильно заскучал. Вот мне и захотелось послушать ваши сказки. Я, знаете ли, очень люблю правдивые захватывающие истории, — с этими словами Кохабар пододвинул жёсткий деревянный стул поближе к кровати и уселся на него, положив ногу на ногу.

— Вы поступаете подло, Кохабар! — Лукан зажмурился, всё его тело напряглось, словно он боролся с кем-то внутри себя. Кулаки его сжались, на лбу выступили капельки пота. — Подло потому, что опоили меня какой-то дрянью, от которой мой язык начинает выдавать то, о чём, мне казалось, я и сам давно позабыл. Я не могу… Я не могу с этим справиться! — он с трудом произносил слова. — Это не в моих силах…

Лукан открыл глаза и, поднеся руку ко лбу, слабым её движением отёр с лица пот.

— Меня не интересует история всей вашей жизни, — на слове «всей» Кохабар сделал ударение, — Только, пожалуй, последний месяц.

Лукан рассказал ему всё… О Нире и Георгии; о загадочной стране, из которой Георгий якобы прибыл; об их совместном путешествии в Ваах; о встрече с Горцами… Когда он дошёл до того момента, где начал описывать Летающий Замок, Кохабар прервал его.

— Пропустим это. Расскажите-ка поподробнее о том, что говорил этот Ж… Жора о том, как он попал сюда.

— Он сказал, что выпил какой-то напиток и очутился здесь, в Гиблых Лесах, и почти сразу же его схватил Зирх, оглушил его и, видимо, бутылка с этим напитком выпала, когда птица несла Жору в своё гнездо. А потом он очнулся…

— Хватит! Хватит! — оборвал Лукана Маг. — Это я уже слышал! О, правдивейший из правдивых Охотников! — издевательски воскликнул Кохабар. — А не помните ли вы, какого цвета был этот напиток?

Маг довольно потёр ладонью о ладонь в предвкушении ответа.

— Нет, вот этого он мне не говорил. Да и Нире, наверное, тоже. Зато он рассказал о своей родной стране. Там, у него, в этой России, повозки ездят сами собой, без лошадей, и есть повозки, летающие по небу, а ещё…

— Довольно! Я уже слышал достаточно об этой самой России, о повозках и прочем. Меня это не интересует! Всё! Можете отдыхать! Сегодня никто вас не потревожит. Мои слуги переночуют в других комнатах, но одного из них я оставлю под дверью, — Кохабар шутливо погрозил Лукану пальцем, — Кто знает, что взбредёт вам в голову! Но, не волнуйтесь, я сохраню вам жизнь. Ваша история очень помогла мне, очень. И я буду добр к вам, — Кохабар встал и пошёл к выходу.

— Спокойной ночи, Охотник, и пусть вам приснятся сладкие сны, — добавил Маг, выходя из комнаты.

Направляясь обратно в кабинет, Кохабар, ликуя, тихонько напевал себе «под нос» весёлую мелодию. Рассказ Охотника развеял все его сомнения по поводу предмета, унесённого Грозником. Было непонятно только одно — каким образом Белый Маг узнал о существовании бутылки с волшебным напитком? Может, он встретил человека, которого искал этот таинственный Жора? Во всяком случае, Грозник знал, как выглядит эта бутылка.

Теперь у Кохабара появилась ещё одна причина, по которой нужно было, во что бы то ни стало, захватить Ваах.

«Я не успокоюсь до тех пор, пока волшебная смесь не окажется у меня в руках»! — думал он, усаживаясь в кресло. — «Подумать только, какой безграничной властью я буду обладать! Я смогу исчезать в любой момент, когда захочу, и ведь исчезать не просто так, а перемещаться в какой-то другой мир! Я могу овладеть секретами этого мира, и, кто знает, может и там (со временем, конечно) мне удастся взять власть в свои руки».

Кохабар решил не отклоняться от намеченного пути. Сначала он подумывал о том, чтобы развернуть Замок и лететь назад, разыскать пришельца и захватить его, но, взвесив все «за» и «против», сказал самому себе:

— Нет уж! Лучше удочка, чем ведро рыбы! Зачем тратить время на поиски чужеземца (он и так из Мазергалы никуда не денется), когда бутылка находится у Грозника? Решено — лечу в Ваах!

Глава 11

За долгими размышлениями Кохабар не заметил, как наступило утро. Огонь в камине давно погас, и в кабинете стало холодно. Кохабар поднялся с кресла, подошёл к поленнице для того, чтобы взять дров и вновь разжечь огонь. Аккуратно складывая поленья в камине, Маг, краем глаза, заметил светлый квадрат на стене. Он резко повернул голову и на мгновение застыл от удивления. Солнечный луч, нахально разрезав полумрак комнаты, начертил силуэт окна на мрачной каменной стене.

Кохабар подбежал к окну и сквозь толстое стекло взглянул на небо. Чистое и голубое, без единого облачка, оно повергло Чёрного Мага в ужас.

Он прислушался. Непривычная тишина воцарилась за стенами Замка. Ни шума ветра, ни ударов грома, ни треска ломавшихся деревьев… Ничего…

Кохабар опрометью бросился к выходу из кабинета. Необходимо было немедленно остановить полёт Замка. Полоса Дождя исчезла, а каменный гигант продолжал двигаться строго по прямой линии, и, неизвестно, чем это могло закончи…

Грохот страшного удара в один миг уничтожил тишину, и гранитный пол из отшлифованных плиток вдруг резко подпрыгнул под ногами бегущего Кохабара и подбросил волшебника высоко в воздух. Маг, кувыркаясь, по инерции пролетел вперёд и, ударившись головой о стену, свалился на пол, потеряв сознание…

Очнулся он от того, что кто-то тряс его руку, причитая при этом:

— Ой-ой-ой! Повелитель, очнитесь! Повелитель не умирайте! Без вас мы все погибнем! Да принесите же, наконец, воды! — крикнул этот кто-то в сторону.

— Не надо воды. Принесите вина, — сказал Кохабар и приоткрыл глаза. Прямо перед собой он увидел зелёную обезьянью морду.

— Слышали, что сказал Повелитель?! — крикнул Хери столпившимся вокруг Летунам. — Вина! О, какая радость, вы очнулись!

Хери засуетился, подкладывая подушку, принесённую слугами, под голову Магу.

— Повелитель, Замок врезался в гору. Он и сейчас упирается в неё. Надо остановить его и, наверное, опустить на землю.

— Без тебя знаю! — рявкнул Кохабар.

Он извлёк из кармана Камень Огня и протянул руку к Магическому Жезлу. В этот момент Чёрному Магу необходимо было немедленно подняться на ноги. Волшебник промолвил одно из семи Заклятий Восстановления Силы и ударил Жезлом по Камню. Вихрь из множества маленьких звёздочек в тот же миг окутал Кохабара. Всего несколько мгновений ушло на то, чтобы снять головную боль и залечить все ссадины, шишки и синяки.

Кохабар быстро поднялся на ноги и, не обращая внимания на удивлённые оханья и аханья Хери, выхватил из рук стоявшего рядом Летуна бутылку вина и сделал несколько больших глотков прямо из горлышка.

— Все идите за мной! — приказал Кохабар слугам, отшвырнул бутылку в сторону и зашагал прочь по коридору. От его недавней слабости не осталось и следа.

Выйдя во внутренний двор, Чёрный Маг в первую очередь прочёл заклинание Остановки, вновь воспользовавшись Камнем Огня. Дело в том, что Летающий Замок, упершись в скалу, всё ещё пытался продолжить движение вперёд, но сдвинуть с места гору ему, естественно, не удавалось, и, не очнись Кохабар так быстро, крепость, просто-напросто развалилась бы на куски.

Маг быстро поднялся на Главную Башню и посмотрел вниз. Челюсти его сжались от злобы и разочарования, когда он окинул взглядом стены своего Замка. Одной из четырёх угловых башен больше не существовало. От неё осталась лишь большая груда камней. Часть стены

обрушилась вниз, за пределы Замка. На уцелевших стенах образовались трещины. Сам Замок, уткнувшись разбитым углом в расщелину между двумя высокими скалами, сейчас висел неподвижно, остановленный Кохабаром. Маг приложил ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от слепящего, ненавистного ему солнца и оглядел окрестности в поисках места, где можно было бы опустить Замок на землю. Вдалеке он заметил подходящую поляну, но решил сначала, как следует осмотреть её, чтобы убедиться в том, что это не замёрзшее озеро.

Кохабар взмыл с Главной Башни ввысь и через несколько мгновений оказался над заснеженной проплешиной, которую не так часто встретишь в непроходимой чаще Гиблых Лесов. Маг внимательно осмотрел поляну.

«Нет, это не озеро», — понял он, когда заметил в середине поляны торчащие из-под снега верхушки маленьких деревьев.

Кохабар вернулся в Замок и, прочитав нужные заклинания, сначала вытащил застрявшую крепость из расщелины, а потом, тихим ходом, направил её прямо к поляне. Волшебника насторожило то, что Замок двигался, сильно накренившись. Кохабар, бормоча ругательства, облетел его со всех сторон. Когда Маг осмотрел дно крепости, то сразу понял, что ему не удастся отремонтировать Летающий Замок при помощи магических заклинаний и физических сил его слуг.

Плиту из лефита (Лефит — редкий минерал, обладающий свойством изменять свой вес под действием волшебных сил. — Примечание автора)., (без которой Замок, сколько над ним не колдуй, не сдвинется с места), заложенную в основание крепости, пересекали крест-накрест две змеистые чёрные трещины. Плита могла в любой момент вывалиться из фундамента, что, несомненно, привело бы к окончательному разрушению всей крепости.

Взбешенный Кохабар вернулся во внутренний двор Замка, где Хери, усиленно жестикулируя, в подробностях рассказывал Летунам о внезапной катастрофе. Чёрный Маг набросился на него, поднял за загривок, словно нашкодившего котёнка и принялся ожесточённо трясти несчастное существо.

— Маленький зелёный уродец! Знаешь, что ты наделал?! Ты лишил своего хозяина самой дорогой вещи! Как мне за это тебя «отблагодарить»?! — прошипел Кохабар, глядя в выпученные глаза Хери. — Тебя следовало бы разорвать на мелкие куски! Медленно разорвать! Что?! Что ты там лепечешь? «Простите, Повелитель»? — передразнил Кохабар обезьяну. — Что?!«Заснул»?! Да как ты смел спать?! Ты проиграл мне в дрок и должен был два дня сидеть на Главной Башне, не смыкая глаз! А где был ты?! Ах, спал на этой самой башне! Оказывается, — Маг оглядел Летунов, в страхе пятившихся назад при виде этого ужасного взгляда, — Главная Башня — это уже не башня, а спальня для ленивых уродливых обезьян!!! — с этими словами Кохабар с такой силой швырнул Хери на булыжную мостовую двора, что чуть не вышиб из обезьяны дух.

— Ваш Повелитель — великодушный человек, запомните это! — продолжал Кохабар, обращаясь к слугам. — Не смотря на его преступление, — он пальцем указал на охающего Хери, — я сохраню ему жизнь! Мало того, в моё отсутствие он будет здесь старшим, и вы все, включая Троллей, будете подчиняться ему! Я дам ему шанс исправить ошибку!

— В ваше отсутствие, Повелитель? — спросил один из Летунов. — Вы что, собираетесь покинуть нас?

— Да, идиот! «Сердце» моего Замка треснуло. Плита из лефита годится теперь только на то, чтобы, раздробив её, замостить её обломками какую-нибудь дорогу! И теперь, вашему Повелителю придётся нестись, сломя голову, за тридевять, а может и за тридесять земель за новой плитой, к Оголтелым Мастерам!

Хери не верил своим ушам. Хозяин дарует ему жизнь, да ещё назначает главным! Он встал, и хромая подошёл к Кохабару, не смея поднять глаза.

— Благодарю вас, Повелитель, — почти прошептал он. — На этот раз я не подведу вас. Простите меня…

Кохабар с презрением посмотрел на него и, не сказав ни слова, развернулся и зашагал к Главной Башне. Ему нужно было сейчас аккуратно опустить Замок на поляну.

«Вовремя я остановился», — думал Чёрный Маг, разворачивая крепость. — «Если бы я сейчас убил эту проклятую обезьяну, некого было бы оставить вместо себя. Назначить Летуна или Тролля старшим — это всё равно, что оставить Замок на разграбление лесным тварям. Дня через три все они переругаются и разбегутся, кто куда, а Хери… Хери, пожалуй, сможет удержать их на месте, пока я буду в отлучке. Надо только наделить его силой Талисмана Власти. Эта устаревшая вещица всё равно валяется без дела».

Тем временем Замок завис над серединой поляны, и Кохабар медленно и осторожно начал спуск.

Крепость коснулась сахарно-белых сугробов и, сминая их с громким, приятным для слуха хрустом, остановилась, погрузившись в снежное одеяло Гиблых Лесов на высоту человеческого роста.

Глава 12

Кохабар спустился с Главной Башни вниз и, громко стуча каблуками, зашагал к входу в покои Замка. Проходя мимо Хери, он жёстко приказал ему:

— Иди за мной!

Хери, многозначительно посмотрев на Летунов, покорно засеменил вслед за хозяином.

Кохабар направлялся к своей кладовой, размещавшейся в подвалах Замка. Хери, опасаясь новых вспышек гнева со стороны Чёрного Мага, старался держаться позади него, на почтительном расстоянии.

Подвалы Летающего Замка изобиловали тупиками и переходами, лестницами и мрачными закоулками, и, представляли собой не что иное, как лабиринт, в котором легко можно было заблудиться. Зная это, Хери пытался не отстать от хозяина, потому что, только один Кохабар знал, как свои пять пальцев, все входы и выходы.

Наконец Маг остановился перед массивной, окованной железом дверью и, порывшись в своём кармане, достал небольшой ключ. Он вставил его в замочную скважину, вслед за этим раздался сухой щелчок, и дверь распахнулась. Хери, подошедший совсем близко, ойкнул от удивления. И было чему удивиться! За дверью оказалась «глухая» стена.

— Ха-ха! А ты думал, Хери, что всё так просто? Нет-нет, дорогой мой, осторожность — мать мудрости! — рассмеялся Кохабар. — А теперь отвернись, а не то лишишься своих подлых обезьяньих глазок!

Хери покорно сделал несколько шагов назад и повернулся к таинственной двери спиной. Он знал, что с магией шутки плохи.

Волшебник что-то пробормотал, и стена за открытой дверью озарилась ярко-белым сиянием. Вслед за этим она рассыпалась на мириады колючих шипящих искр и исчезла, оставив после себя лишь стойкий запах гари.

Кохабар при этом не отступил ни на шаг от двери. Искры не причинили ему ни малейшего вреда. Хери же, напротив, отбежал в самый конец коридора и забился в одну из ниш, опасаясь превратиться в кусок жареного мяса.

Маг вошёл в свою сокровищницу. Сами собой вспыхнули факелы, осветив больших размеров залу.

В отличие от хранилища обманутого дракона Комо, в котором все вещи были свалены в огромную кучу, у Кохабара драгоценности и предметы волшебной силы были аккуратно разложены на открытых полках, занимавших все четыре стены залы. Чёрный Маг очень любил порядок. В самом центре залы стоял огромный стол из чёрного камня. На его поверхности лежали толстые тяжёлые книги в потемневших от времени кожаных переплётах.

Кохабар подошёл к столу и взял в руки одну из них.

— Так-с… Посмотрим, — промолвил он, перелистывая одну за другой жёлтые страницы книги. — Вот оно! Тридцать два, одиннадцать — дробь пятнадцать!

Маг захлопнул книгу и осторожно положил её на стол. Вслед за этим он подошёл к стене, находящейся от него по правую руку и принялся внимательно рассматривать лежащие на полках предметы. Чего тут только и не было! Кольца, сверкающие драгоценные камни, ножи, мечи, и множество других вещей неописуемой непонятной формы и предназначения покоились на полках хранилища. К каждому из этих предметов была прикреплена маленькая бумажная бирка с номером, так что при желании Кохабар мог быстро найти нужную ему вещь.

Магу пришлось подняться в воздух, почти под самый потолок, прежде чем он разыскал Талисман Власти.

— Иди-ка сюда, Хери! Да не бойся, входи! — прикрикнул Кохабар, увидев, что обезьяна топчется в нерешительности на пороге сокровищницы.

Хери осторожно переступил через порог хранилища, неотрывно следя глазами за Магом. Он всё ещё боялся того, что хитрый Кохабар может наказать его за недавний проступок каким-нибудь изощрённым способом. Однако Чёрный маг и не думал ни о чём подобном. Спустившись на пол, он вплотную подошёл к обезьяне.

— А теперь стой и не двигайся! Иначе можешь умереть!

Маг протянул сжатую в кулак руку к мордочке Хери. Обезьяна зажмурилась, её маленькое тельце в страхе напряглось. Хери ожидал удара, но, вместо этого Кохабар всего лишь разжал пальцы. На его раскрытой ладони лежал шарик из серебристого металла, усеянный круглыми выпуклыми стёклами. Кохабар протянул вторую руку и раскрыл её ладонь над Талисманом. Вслед за этим он быстро прокричал несколько непонятных Хери слов. Выпуклые стёкла на шаре замерцали красноватым светом, а сам Талисман Власти плавно оторвался от ладони Мага и завис над нею. Другая ладонь как бы удерживала его, не давая подняться к потолку. Зрелище светящегося шарика, парящего в воздухе, между ладонями Чёрного Мага, заворожило Хери. Он стоял неподвижно, словно загипнотизированный.

— Довольно глупый у тебя сейчас вид, мой зелёный уродец. Возьми-ка Талисман, а не то моё великое терпение может сию минуту закончиться.

Хери опомнился и обеими лапками схватил шар. В тот же миг воздух в хранилище задрожал и послышался низкий гул, который, усиливаясь, вскоре перерос в трубный оглушающий рёв, сотрясающий подвалы Летающего Замка с такой силой, словно в них был заключён яростный злобный великан, пытавшийся вырваться на свободу.

Хери, с трудом превозмогая страх, смотрел на удивительный шар. Талисман Власти вдруг изменил форму и превратился в комок светящегося студня, который колыхался в лапках Хери, словно живое существо. Хери чуть не выронил его.

— Держи Талисман крепче, а не то от тебя и мокрого места не останется! — прокричал Кохабар страшным голосом.

Хери повиновался. Он неотрывно смотрел на то, что мгновение назад было твёрдым, круглым и таким безобидным с вида предметом. Хери невольно подумал о том, что лучше б уж было ему умереть, чем подвергаться таким ужасным испытаниям.

Он вдруг почувствовал, что волшебное вещество прилипло к его лапам и стало медленно просачиваться сквозь поверхность кожи пальцев прямо в тело, разливаясь внутри приятным успокаивающим теплом. Хери почувствовал необъяснимый прилив сил, ему на мгновение показалось, что он стал чуточку выше ростом. Между тем рёв, заполнявший всё пространство вокруг, стал постепенно затихать.

— Повелитель, что со мной такое? Мне кажется, что я расту! — изумлённо воскликнул Хери.

— Стой и не дёргайся! — отрезал Кохабар.

Хери действительно увеличивался в размерах по мере того, как Талисман Власти «вливался» в его тело. Наконец, в хранилище воцарилась тишина, воздух перестал дрожать и Хери увидел, что в его лапах больше ничего нет. Талисман исчез.

— Ты ошеломлён, Хери, не правда ли? — с усмешкой спросил Кохабар и, не дожидаясь ответа, успокаивающим тоном добавил:

— Я знаю, знаю… Не надо меня благодарить, лить слёзы радости, воспевать дифирамбы и посвящать мне заздравные оды и песни! Как видишь, мы с тобой теперь имеем одинаковый рост!

С этими словами Кохабар обошёл Хери кругом, придирчиво оглядывая его со всех сторон.

— Как же, всё-таки ты уродлив! Воистину, даже если на собаку напялить костюм короля, расшитый золотом и драгоценностями, она от этого не перестанет быть собакой! Нет, когда

ты имел маленький рост, ты мне нравился куда больше! — Кохабар сочувственно покачал головой. — Видишь зеркало в углу? Иди, посмотри на себя!

Хери покорно направился к зеркалу. Он ступал осторожно, с удивлением посматривая на окружающие его вещи. Они казались ему такими маленькими, словно это не с ним несколько мгновений назад произошло чудесное превращение, а, напротив, окружающий его мир съёжился, став чем-то мелким и незначительным.

Увидев в зеркале своё отражение, Хери невольно отпрянул.

Огромная, покрытая зелёной шерстью обезьяна, ошарашено таращилась на него оттуда. Придя в себя, Хери принялся ощупывать своё тело. Те же лапы, тот же хвост, та же морда, но всё это увеличилось раз в пять!

— Привыкнуть к новому телу тебе будет непросто, — сказал Кохабар, подошел к огромной обезьяне и похлопал её по плечу. — Но ты справишься. Тебе, я уверен, понравится…, понравится быть главным в Замке в моё отсутствие. Но, предупреждаю тебя заранее, если ты попробуешь настроить против меня Летунов и Троллей, тебе не поздороваться! Всего лишь одно слово, слетевшее с моих правдивых уст и… Ты вновь станешь жалким, никому не нужным уродцем!!! Понял ты меня, Хери?! — угрожающе крикнул Кохабар. — Не слышу ответа!

— Да, Повелитель, — ответила обезьяна хриплым глухим басом, удивлённо прислушиваясь к своему новому голосу.

— А голосок хорош, — заметил Кохабар и добавил, театрально хлопнув себя ладонью по лбу. — Ах, Хери, совсем забыл! Если я вдруг погибну, (в чём, лично, сомневаюсь), то и в этом случае ты станешь таким же, каким был до превращения!

Хери в ответ медленно отвесил Кохабару низкий поклон и сказал:

— Повелитель, я теперь буду беречь вашу жизнь и ваше имущество, как зеницу ока! Моей благодарности нет предела! Вы сделали меня таким большим и сильным, хотя могли бы и убить!

— Какие красивые высокие слова! — с деланным восхищением воскликнул Кохабар и всплеснул руками. — Я всегда поражался тому, как круто Талисман Власти меняет любое существо, в которое входит, как облагораживается речь этого существа всяческими цветистыми выражениями! Но, ближе к делу. Сейчас нужно познакомить моего обновлённого Хери с другими, менее развитыми обитателями Замка! Идём к Троллям!

Хери вышел первым. Кохабар переступил через порог, повернулся лицом к входу в сокровищницу, поправил шляпу и проговорил несколько волшебных слов. Тотчас же факелы, освещавшие хранилище, погасли, а дверной проём был снова перекрыт крепкой каменной стеной. Маг затворил внешнюю дверь, вставил ключ в замочную скважину и провернул его два раза. Замок тихо щёлкнул. Кохабар положил ключ в карман и, обращаясь к стоящей рядом обезьяне, сказал:

— Представляю, как они удивятся! О, Хери, ты ещё не знаешь, какую силу подарил тебе Талисман Власти!

Маг шёл первым, весело насвистывая. Теперь повреждённый Замок не казался ему такой уж большой проблемой.

«Ничего, самое главное достать плиту из лефита, а уж отремонтировать его — пара пустяков»! — думал он. — «Мне очень повезло, что Хери не погиб, когда в него вошёл Талисман Власти. Ведь из десяти различных существ, которые пытались им воспользоваться, выжили всего лишь два. Хери — третий».

Они уже шли по тому коридору, в конце которого располагалась зала Троллей. Высокая двустворчатая дверь, ведущая в эту залу, сотрясалась от жестоких ударов.

— Проклятый Кохабар!!! Открой дверь, подлый Маг! Мы разнесем весь твой Замок к Гулловой (Гулл — божество зла в Мазергале. Полная противоположность Руму. — Примеча-

ние автора). матери!!! Сколько можно! Мы не станем подыхать здесь с голоду! Нам была обещана ежедневная обжираловка! — яростно ревел нестройный хор хриплых злобных голосов.

— Ого, как расшумелись! — сказал Маг, обращаясь к Хери, и тут же крикнул в сторону двери:

— Молчать, грязные твари! Я уже здесь!

Голоса за дверью стихли. Кохабар нисколько не обижался на оскорбления, сыпавшиеся только что в его адрес. Таков уж был нрав у Троллей. Они не могли ни одного дня прожить без ругани.

Маг отодвинул тяжёлый засов, запирающий дверь, открыл её и вошёл в залу. Высоченные Тролли, столпившиеся у двери, почтительно попятились назад. Им уже довелось испытать «на своей шкуре» силу грозного волшебника. Но, увидев вошедшего Хери, всё немногочисленное войско разразилось диким хохотом.

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! Обезьяна подросла! Ага, прямо к обеду подросла! Кохабар откормил для нас своего зелёного слугу! Специально для нас! Но этого будет маловато! Маловато! Ещё бы пару оленей! Но сначала закусим обезьяной!

— Тихо!!! — прикрикнул на них Чёрный Маг. — Это не обед! Мне придётся на несколько дней отлучиться, и Хери останется в Замке за главного!

— За главного! О-о-о! О-го-го! — хохотали трёхметровые воины. — Это удачная шутка, Кохабар! Давно я так не смеялся! И я! Это самый весёлый день в моей дурацкой жизни! Хо-о-о!

Несколько Троллей, от смеха схватившись за животы, упали на пол. Из их глаз ручьями лились слёзы. Такого бурного веселья в мрачном Летающем Замке ещё никогда не было.

Кохабар, подбоченившись, молча наблюдал за этой сценой. Он улыбался.

— Повелитель, — умоляюще зашептал ему на ухо осторожно подошедший Хери, — они же сожрут меня живьём! Я не успею даже ойкнуть!

— Ты ошибаешься, Хери. Теперь ты обладаешь такой силой, что способен без труда одолеть этих глупцов. Ничего не бойся. Ничего они тебе не сделают, хотя защищать тебя, Хери, я не собираюсь. В тебе ведь теперь Талисман Власти и ты сам способен себя защитить. Кроме того, я хочу преподать этим толстым вислоухим созданиям ещё один урок вежливости.

— Да, но они почти в два раза выше меня и…

— Заткнись, трусливая скотина! — грубо оборвал его Кохабар.

Между тем, Тролли постепенно успокоились, и к Кохабару подошёл самый грузный из них. Остальные воины называли его — Тагор и считали своим вождем. Это был старый вояка. Морда его, покрытая шрамами, красноречиво свидетельствовала о многочисленных сражениях, в которых ему довелось участвовать. Его клыкастая нижняя челюсть, выступавшая вперёд, когда-то была раздроблена, но каким-то чудом срослась и сделала морду вождя Троллей просто ужасной. Правое ухо Тагора было давным-давно оторвано в кровавой драке, второе же, похожее на свиное, свисало с абсолютно лысой головы, чуть прикрывая левый глаз. Впрочем, остальные Тролли выглядели не лучше своего предводителя.

Эти существа недаром считались хорошими воинами. Даже безоружный Тролль одним только своим внешним видом мог обратить врага в бегство. Войско же из ста Троллей стоило целой армии людей.

— Кохабар! — прогремел Тагор. — Твоя шутка насчет этого «дохляка» нам понравилась! А теперь, если не возражаешь, мы его всё-таки съедим!

— Я не шутил, — серьёзно ответил Чёрный Маг, глядя на чудовище снизу вверх. — Хери будет главным.

— Я тебя не понимаю. Мог бы поставить главным меня.

— С удовольствием бы, Тагор, но твоя банда за короткое время превратит мой Летающий Замок в мусорную свалку, — ответил Кохабар.

— Хорошо. Эй, Сикс, поди-ка сюда! — повернувшись к своим собратьям, крикнул Тагор.

Из толпы тут же вышел Тролль, который был меньше всех остальных ростом.

— Это Сикс. Он среди нас самый слабый. Пусть честный поединок решит наш спор. Если твоя обезьяна убьёт Сикса, в чём я сильно сомневаюсь, то пусть она будет главной. Ну, а если Сикс убьёт Хери, то… старшим в твоё отсутствие, буду я — Тагор!

— Если тебе не жаль одного своего воина, я согласен, — ответил Кохабар.

Тагор кивнул.

— Ну-ка, Сикс, — приказал он, — снимай-ка меч и кольчугу, будешь биться с Хери… Хм… В рукопашную!

Сикс послушно отцепил от пояса небольшой широкий меч, снял кольчугу, бросил всё это в сторону и, растопырив когтистые пальцы, стал медленно приближаться к Хери. Тот попытался ретироваться к двери, но Кохабар преградил ему путь.

— Дерись, дурак! Чего ты боишься?! Ты в одиночку можешь разбросать всю эту толпу идиотов в разные стороны! — зашипел на него Чёрный Маг. — Дерись, или я сам убью тебя!

Хери понял, наконец, что вырваться отсюда ему не удастся, развернулся лицом к противнику и замер в ожидании.

Сикс был выше Хери на две головы, двигался он быстро и уверенно. Сделав шаг вперёд, он занёс правую лапу для удара, собираясь в одно мгновение покончить с противником.

Обезьяна, всегда предпочитавшая бегство драке, выставила вперёд обе лапы, стараясь защититься от страшного удара.

В тот момент, когда кулак Сикса коснулся головы Хери, произошло нечто невероятное. Обезьяна с молниеносной быстротой обхватила лапищу Тролля и рванула её вниз, к полу. В наступившей тишине раздался громкий хруст и Сикс, заорав от боли, попытался дотянуться другой лапой до горла Хери. Тот схватил её и повторил приём. Сикс не сдавался. С переломанными лапами, которые теперь безвольно болтались, словно плети, обезумевший от боли Тролль прыгнул на Хери, собираясь раздавить его весом своего массивного тела. Однако обезьяна, сообразив, какую чудовищную силу подарил ей Талисман Власти, на этот раз ничуть не испугалась. С холодным блеском в глазах она схватила нападавшего Тролля и швырнула его через всю залу. Сикс не успел даже охнуть, когда от прямого удара о стену его лысая голова в одно мгновение превратилась в кровавое месиво. С глухим стуком мёртвое тело рухнуло на пол, оставив на шершавой каменной стене большую багровую кляксу.

В зале на миг воцарилось гробовое молчание. Все, как один, Тролли уставились на убитого сородича, не веря своим глазам.

Но воины, на то они и воины, чтобы не ведать страха, а если даже он и возник, не поддаваться ему…

— Ах ты, макака-переросток! — воскликнул Тагор. — Думаешь, твоя сила испугала нас?! Воины!!! Нас много и мы убьём эту дрянь!

— Хери, если ты убьешь ещё одного Тролля, я вновь сделаю из тебя маленькую жалкую обезьянку. Но проучить их, конечно, надо, — прошептал Кохабар на ухо своему слуге и поспешно скрылся за дверью.

Тролли, похватав боевые топоры, мечи и дубины, обступили Хери со всех сторон. Тот стоял не шелохнувшись, ощущая каждой клеточкой своего тела невообразимое спокойствие. Его жёлтые глаза выражали полное презрение к противнику.

Тролли, сотрясая воздух воинственными криками, бросились в атаку. Меч Тагора опустился на незащищённую голову Хери… и тут же отскочил от неё, вырвавшись из рук своего хозяина. Между тем Хери даже не почувствовал прикосновения. Одного за другим он принялся раскидывать Троллей в разные стороны, словно беспомощных котят. Они падали, вставали и вновь нападали на него. Оружие Троллей не представляло для Хери никакой опасности. Воины быстро поняли это и теперь пытались убить обезьяну «голыми руками». Хери же, помня

указания хозяина, не слишком усердствовал, пытаясь рассчитать свои силы таким образом, чтобы ненароком никого не убить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.